

12

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 6

69

СЕРИЯ ФИЛОСОФИИ

ВЫПУСК 1

K-14038

Цена 71 коп.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Е. А. Якуба. Взаимодействие права и нравственности в период развернутого строительства коммунизма	3
А. М. Степанченко. О роли самовоспитания в формировании нового человека	14
О. Г. Берзин. В. И. Ленин об объективных основаниях свободы в процессе реализации исторической необходимости	26
А. А. Мамалуй. К определению понятия исторического прогресса	36
Ю. Ф. Бухалов. К вопросу о содержании понятия практики	43
В. Н. Вельцман. В. И. Ленин о социальных условиях возникновения сущности гносеологических корней идеализма	54
А. Т. Лукьянов. О процессе возникновения нового знания	71
В. С. Манешин. О специфике художественного мышления	80
Н. В. Кивенко. К вопросу о сущности отражения	89
Н. В. Тополя. Прибор как средство познания	96
А. А. Иванищенко. О соотношении чувственного и эмпирического в познании микромира	103
Ю. Ф. Яшинов. Антикоммунистическая направленность политической доктрины Рейнгольда Нибура	112
В. П. Педан. Борьба за идейность, народность, реализм искусства в идейно-эстетических дискуссиях первых лет Советской власти	118
А. С. Слабкий. С. С. Шашков о русском православии как враге науки и просвещения	130
Из опыта проведения конкретно-социологических исследований. (Сообщение о работе лаборатории конкретно-социологических исследований Харьковского университета)	136

Редакционная коллегия:

Ю. Ф. Бухалов (ответст. редактор серии), Я. С. Блудов, И. Л. Бейгель,
В. Н. Вельцман (секретарь), В. С. Манешин, Е. А. Якуба.

Редактор Б. В. Фищенко.
Техредактор Г. П. Александрова.
Корректор С. Д. Гук.

Сдано в набор 3.XII 1964 г. Подписано к печати 31.XII 1964 г. БЦ 30522. Объем: 8,75 физ.печ. л., 12,0 усл. печ. л., 11,9 уч.-изд. л. Зак. 4346. Тираж 500. Цена 71 коп.
Харьковская типография № 16 Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров УССР по печати. Харьков, Университетская, 16.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВА И НАВРСТВЕННОСТИ В ПЕРИОД РАЗВЕРНУТОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА

Е. А. Якуба

В период перехода от социализма к коммунизму проблема взаимодействия социалистического права и коммунистической нравственности приобретает особо важное значение. Несмотря на это, в нашей литературе ей уделялось мало внимания. Кроме интересной и глубокой по содержанию книги М. П. Каревой «Право и нравственность в социалистическом обществе», долгие годы почти не было работ, посвященных анализу взаимодействия этих двух форм регулирования поведения человека.

Между тем, без анализа взаимодействия права и нравственности невозможно уяснить особенности социалистического права и его роль в развитии общества, немисливо познать законы развития права и понять процесс его отмирания.

В последнее время появился ряд интересных статей, посвященных соотношению морали и права в период развернутого строительства коммунизма¹. Их авторы пишут о взаимодействии права и нравственности в коммунистическом воспитании, в развитии гарантий свободы личности, в регулировании общественных отношений, подчеркивают, что для периода развернутого строительства коммунизма характерно возращание роли правовых и нравственных начал в жизни общества. В статьях высказывается ряд интересных соображений относительно места и роли права и нравственности.

Проблема взаимодействия права и нравственности органически связана с вопросом об их общности и различии. Мораль и право имеют много общего — и как части надстройки и как формы регулирования поведения человека.

Можно проследить общность и различие права и морали по содержанию и форме всех основных элементов (взглядов, норм, отношений). Так, правовые и нравственные взгляды являются взглядами о должном, справедливом поведении. Однако нравственность — это взгляды о должном и справедливом с точки зрения общественного мнения, правосознание — это взгляды о законном и незаконном с точки зрения государства.

¹ Л. А. Андреев. Изменение соотношения морали и права в процессе перехода к коммунизму. Сб. «Вопросы марксистско-ленинской этики». Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС. М., 1962.

В. Д. Попков. Соотношение права и морали в период развернутого строительства коммунизма. Сб. «Вопросы политической организации советского общества в период развернутого строительства коммунизма». Изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС. М., 1962.

А. В. Мицкевич. Взаимодействие права и нравственности. В кн. «Взаимодействие форм общественного сознания». Изд-во МГУ, 1964 и другие.

Нравственные взгляды, как и правовые и другие взгляды, являются наиболее подвижными элементами надстройки, но по времени они возникают раньше правовых.

В литературе справедливо отмечается, что в нравственном сознании эмоциональные, психологические моменты (чувства, настроения) играют гораздо большую роль, чем в правосознании. Однако при этом не всегда последовательно решается вопрос о характере правовых чувств. А. В. Мицкевич, например, подвергает сомнению специфический характер последних¹. В действительности, единая психологическая природа, тесная связь правовых и нравственных чувств не исключает их специфики.

Выражая отношение к действующему праву, давая оценку тому или иному явлению, чувства выступают по содержанию как правовые.

Появлению развитых правовых взглядов не может не предшествовать появление отдельных представлений и чувств, дающих оценку действующему праву. Правовая психология — это правомерный этап в развитии правосознания, для которого характерно преобладание чувственных моментов и отдельных разрозненных взглядов.

И если мы говорим о правовых взглядах, как относительно самостоятельной части общественного сознания, и признаем сложный характер процесса развития взглядов, то мы вправе говорить и о правовых чувствах.

Отличаются друг от друга правовые и нравственные нормы, регулирующие поведение людей.

Советское социалистическое право и коммунистическая нравственность, как совокупности норм, различаются по времени появления и судьбе. Коммунистическая нравственность формируется задолго до победы социалистической революции, право же возникает как орудие социалистического государства, в процессе становления диктатуры пролетариата. Если социалистическое право отмирает с победой коммунистических отношений, то коммунистическая нравственность получает наиболее полное и глубокое развитие при коммунизме.

Право и нравственность отличаются друг от друга по форме выражения воли советского народа. Право общественного социалистического государства — это выражение государственной воли советского народа, нравственность — выражение воли советского народа в форме общественного мнения². Именно этим объясняется принципиальное отличие права и морали по способу обеспечения. Если выполнение моральных норм обеспечивается силой общественного мнения, то выполнение норм права обеспечивается, кроме того, и силой всего государственного аппарата.

И право и нравственность, наряду с убеждением, предполагают применение внешнего принуждения. Однако характер, объем и место принуждения в системе права и морали различны. В праве принуждение носит государственный характер. Далее, если норма морали не предусматривает заранее конкретных форм принуждения в случае ее нарушения, то в нормах права формы принуждения обычно заранее указаны и точно определены с учетом тяжести правонарушения. Вследствие

¹ См. А. В. Мицкевич. Взаимодействие права и нравственности. В кн. «Взаимодействие форм общественного сознания». Изд-во МГУ, 1964, стр. 93.

² Вряд ли можно согласиться с А. В. Мицкевичем, который, справедливо указывая на оценочно-волевой характер права и морали, вместе с тем считает, что волевой момент выражен в праве определенной, чем в морали. Если речь идет о внешней определенности, то это действительно так. Что же касается места волевого содержания и его силы, то в морали волевой момент играет не меньшую роль. Общественное мнение — это единство мыслительных и волевых моментов. См. указ. кн., стр. 87.

этого и удельный вес принуждения в правовом регулировании гораздо больший, нежели в морали.

Правовые и нравственные нормы отличаются друг от друга по своему характеру, объему регулирования человеческих отношений, высоте требований, предъявляемых к поведению человека¹.

Правовые нормы носят более конкретный и формально определенный характер².

Вследствие того, что коммунистическая нравственность предъявляет большие требования к человеческому поведению, нежели право, область моральных обязанностей гораздо шире области юридических обязанностей, и не всякое действие, осуждаемое моралью, влечет за собой наказание, предусмотренное правом.

Сфера действия морали шире сферы действия права также потому, что существуют отношения, которые вообще не могут быть подвергнуты правовому регулированию (отношения дружбы, любви, товарищества). Немыслимо применять право в борьбе с такими недостатками отдельных людей, как зазнайство, высокомерие, эгоизм, черствость и т. п. Вследствие нецелесообразности, неэффективности и даже вредности далеко идущего правового регулирования семейных отношений, социалистическое право регулирует лишь их отдельные моменты.

Как надстройка право отличается от морали и соотношением правовых элементов (взглядов, норм, отношений), более четким их разграничением.

Если нравственные взгляды, утверждаясь в обществе, получая поддержку общественного мнения, постепенно, сами собой, превращаются в нравственные нормы (и поэтому провести четкую грань между взглядами и нормами почти невозможно), то правовые взгляды, даже будучи господствующими, не всегда превращаются в нормы³. Появление правовых норм непосредственно связано с правотворческой деятельностью государства.

Особенно тесная связь нравственных взглядов и норм выражается не только в специфике возникновения норм, но и в особенностях их применения. Если для права важен сам факт выполнения норм независимо от мотивов, то при выполнении моральной нормы всегда должно учитываться внутреннее отношение лица к ней, мотивы, чувства людей.

Если нравственные отношения могут возникать на основе определенных взглядов, еще не превратившихся в нормы, то правовые отношения возникают только после нормы, которая, выражая государственную волю, придает определенным общественным отношениям правовой характер.

Все это свидетельствует о том, что социалистическое право и коммунистическая нравственность являются различными формами регулирования общественных отношений, различными частями надстройки, различными формами выражения общенародной воли. Но у них гораздо больше общего, нежели различий. Само различие права и морали позволяет глубже уяснить моральное содержание социалистических правовых отношений, моральную высоту нашего права.

В период развернутого строительства коммунизма происходит углубление теснейшего взаимодействия права и нравственности. Наблю-

¹ См. М. П. Карева. Право и нравственность в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1951, стр. 121.

² См. П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960, стр. 112.

³ В связи с этим никак нельзя согласиться с определением И. Е. Фарбером правосознания как взглядов, обладающих нормативным характером. См. ж. «Советское государство и право» 1962, № 2, стр. 56.

дается прямое переплетение и взаимопроникновение этих двух форм регулирования поведения человека. Проблема взаимодействия права и нравственности в этот период органически связана с проблемой отмирания права.

Процесс отмирания права нельзя сводить к процессу простого вытеснения правовых норм моральными. Процесс отмирания права гораздо сложнее. Это скорее процесс постепенного развития социалистического права и коммунистической нравственности в будущие неправовые коммунистические нормы поведения. Отмирание права предполагает совершенствование правовых норм, постепенное качественное изменение субъектов, методов, содержания правового регулирования. Право отмирает постепенно, по мере победы коммунистических отношений, в процессе теснейшего взаимодействия с моралью, на основе взаимовлияния и взаимопроникновения правовых и моральных норм. «Вся система государственных и общественных организаций, — говорится в Программе КПСС, — воспитывает трудящихся в духе добровольного, добросовестного исполнения своих обязанностей, ведет к органическому соединению прав с обязанностями в единые нормы коммунистического общежития»¹.

Усиление взаимодействия права и нравственности непосредственно связано с развитием политической надстройки, с расширением, развёртыванием социалистической демократии. Рост инициативы и активности масс, вовлечение их в управление государством, производством содействует развитию правосознания, обеспечивает глубокую заинтересованность членов социалистического общества в исполнении права. Социалистическая демократия содействует вовлечению трудящихся в процесс правотворчества и предоставляет им широкие возможности общественного контроля за соблюдением законности.

В свою очередь социалистическая законность является необходимым условием и гарантией осуществления подлинной демократии.

Взаимодействие права и нравственности носит всеобъемлющий характер. Оно охватывает весь процесс развития и действия взглядов, норм, отношений.

Общей закономерностью развития надстройки является усиление влияния морали на право.

Моральный фактор приобретает все большее значение прежде всего в правотворчестве. Общественные организации, массы трудящихся все шире вовлекаются в процесс подготовки и принятия правовых актов, все чаще выступают в качестве непосредственных субъектов правотворчества. Об этом свидетельствует придание актам общественных организаций правовой силы путем их последующего санкционирования государством или путем предоставления общественным организациям права издания нормативных актов в определенной области. В последние годы, в связи с передачей общественным организациям ряда функций государственных органов, значительно расширился круг вопросов, по которым общественные организации получили право издания нормативных актов. Так, профсоюзы получили право издания нормативных актов в области курортного обслуживания, жилищно-бытовой, культурно-массовой работы, физического воспитания, спорта и т. д.

Формами участия масс в правотворчестве является издание совместных постановлений общественных и государственных организаций, практика самостоятельной подготовки законопроектов общественными организациями с последующим утверждением государством.

Многие правовые акты послевоенного периода принимаются по прямой инициативе трудящихся. К таким актам относятся «Закон о за-

¹ Программа КПСС. Госполитиздат, 1961, стр. 106.

щите мира», Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах», Указ от 19 декабря 1956 г. «Об ответственности за мелкое хулиганство», «Закон об охране природы», законы, осуждающие лиц, ведущих паразитический образ жизни, и многие другие. Участие масс в правотворческой деятельности государства приводит к еще большему усилению общественного авторитета норм социалистического права.

При анализе взаимодействия права и нравственности в процессе правотворчества нельзя не заметить особой подвижности норм морали. Большая подвижность норм морали объясняется спецификой процесса их образования. Если норма права появляется в результате правотворческой деятельности государства, то норма нравственности становится общепризнанной и, следовательно, общеобязательной по мере ее усвоения общественным мнением. Ясно, что нормы морали более подвижны, нежели нормы права, требующие введения, санкционирования либо отмены со стороны государства. Подвижность — это одно из преимуществ норм морали, в силу которого нормы морали в основной своей части идут как бы впереди, указывая путь праву.

В социалистическом обществе нет и не может быть противоречий между нравственностью и правом в целом, ибо социалистическое право высоконравственно по своей природе, принципам, целям и задачам. Однако это не исключает возможности возникновения в некоторых случаях противоречий между отдельными правовыми нормами и нормами морали.

На страницах нашей печати неоднократно поднимался вопрос о том, что отдельные статьи Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. противоречат моральным нормам. Широкая общественность решительно выступила, в частности, против статьи Указа, согласно которой в метрике не указывается отец, если ребенок родился в незарегистрированном браке. Авторы многочисленных замечаний, писем отмечали, что подобная норма несправедлива, она противоречит коммунистической морали, ибо несет страдание ребенку, по сути вводит понятие «незаконнорожденного» и ставит в тяжелое, двусмысленное положение одинокую мать. В печати справедливо подчеркивалось, что эта статья Указа пришла в противоречие не только с нашей моралью, но и со всем смыслом и содержанием Указа от 8 июля 1944 г., направленным на охрану интересов матери и ребенка.

Зачастую вступают в противоречие с моралью и нормы, устанавливающие размер алиментов на детей в процентном отношении к заработку. Эти нормы совершенно не учитывают образа жизни, состояния здоровья и материального положения плательщика алиментов, содержащего новую большую семью. На практике это нередко приводит к ущемлению интересов детей от второго брака. В нашей печати указывалось в связи с этим на необходимость отказа от единого процентного критерия определения размера алиментов. Суд должен решать вопрос о размере алиментов в каждом отдельном случае с учетом материального положения родителей.

Иногда противоречия возникают в силу недостаточно четких формулировок тех или иных положений правовых норм. В нашей печати указывалось, например, что некоторые нормы гражданского законодательства, направленные на охрану личной собственности, были сформулированы настолько широко, что они позволяли стяжателям и корыстолюбцам, формально не нарушая эти нормы, использовать свои имущественные права во зло общественным интересам, в целях нетрудового обогащения.

Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденные Верховным Советом СССР 8 декабря 1961 г., устраняют этот недостаток и исключают возможность подобных недоразумений. Статья 25 Основ указывает, что... «имущество, находящееся в личной собственности граждан, не может использоваться для извлечения нетрудовых доходов». В ст. 5 Основ сказано, что «гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма».

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в социалистическом обществе противоречия между правом и моралью не носят всеобщего и антагонистического характера. Возникающие противоречия являются противоречиями коммунистической морали и отдельных правовых норм. Одновременно это — противоречия отдельных правовых норм и смысла, содержания всего нашего законодательства, отвечающего основным принципам и нормам коммунистической морали.

Подвижность моральных норм в условиях усиления взаимодействия права и нравственности не может не оказать влияния на процесс правотворчества. Возрастание роли морального фактора ускоряет процесс развития права. Под влиянием нравственных норм правовая форма регулирования становится в свою очередь подвижнее. Это выражается в процессах обновления, кодификации права, характерных для настоящего времени.

Можно наблюдать, как под влиянием моральных принципов и норм в современной судебной практике складываются целые институты права. Например, судебная практика, исходя из требований коммунистической морали, выработала новый институт — обязательства по возмещению вреда, понесенного при спасении социалистического имущества. В 1961 г. в Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 95) этот институт получил полное правовое закрепление.

Следует подчеркнуть, что в процессе развития нашего общества к коммунизму сближение норм права и норм морали связано с возрастанием требований, предъявляемых к поведению человека. Нормы коммунистической морали, как правило, предъявляют более высокие требования к поведению (мораль осуждает и то, что не осуждается правом). Именно поэтому нормы морали имеют большое будущее, им принадлежит ведущая роль в процессе перерастания нынешних правил поведения в коммунистические нормы поведения.

Возрастание нравственных требований оказывает влияние на право, вызывает соответствующее возрастание правовых требований. Ряд нравственных норм, получивших особое значение, закрепляется в праве. Так, для усиления борьбы с бюрократизмом и волокитой, новое «Положение о правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза» устанавливает, что фабзавкомы и месткомы имеют право требовать наказания или удаления с предприятий руководителей, проявляющих бюрократизм, волокиту или нарушающих коллективный договор.

Если ранее уголовная ответственность существовала только за неоказание помощи лицам, обязанным заботиться о потерпевшем, то сейчас право осуждает неоказание помощи со стороны любого лица, когда вследствие оставления в опасном для жизни положении наступила смерть или тяжкие телесные повреждения¹. Новые уголовные ко-

¹ См. УК УССР, 1961, ст. 112; УК РСФСР, ст. 127.

дексы вводят ответственность за злостное уклонение от оказания помощи родителям¹ и за ряд других деяний.

Нашей общественностью поставлен вопрос о необходимости не только морального, но и правового осуждения лиц, ведущих паразитический образ жизни. И в большинстве союзных республик уже приняты соответствующие законы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1961 г. «Об ответственности за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов»² введена уголовная ответственность за очковтирательство, приписки и т. п.

Усиливается ответственность за особо опасные преступления. Так, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» значительно сужается сфера условно-досрочного освобождения осужденных, допускается смертная казнь за хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах и т. д.

В свою очередь право в период строительства коммунизма все сильнее воздействует на мораль. Социалистическое право высоконравственно, поэтому применение правовых норм приводит к распространению, внедрению норм коммунистической нравственности.

Социалистическое право становится еще более могучим творческим стимулом создания новых норм коммунистической нравственности, культивирования высоких моральных качеств человека. Осуждая и карая преступления, направленные против общественного и государственного строя и в то же время поощряя благородные поступки советских людей, социалистическое право воспитывает непримиримость к предателям народа, развивает интернационализм и чувство беззаветной любви к своей Родине, Коммунистической партии. Нормы социалистического права прививают трудящимся высокое сознание общественного долга, честное отношение к труду, воспитывают граждан в духе уважения человеческой личности.

Методы и способы правового воздействия многогранны. Так, советское право содействует воспитанию коммунистического отношения к труду путем закрепления передовых общественных форм организации труда, регулирования меры труда и потребления, обеспечения условий для социалистического соревнования, осуществления контроля за соблюдением дисциплины труда, путем борьбы с паразитическими элементами и другими способами.

Примером теснейшего взаимодействия социалистического права и коммунистической нравственности является закрепление правовыми актами нравственных начинаний советских людей, в частности, моральной творческой инициативы передовиков социалистического производства. Практика социалистического законодательства знает многочисленные нормы — приказы министров СССР и союзных республик, постановления, инструкции совнархозов о распространении передового опыта ударников и бригад коммунистического труда, о внедрении лучших методов, приемов работы в производство. Приказы, постановления, закрепляя нравственные начинания трудящихся, способствуют превращению этих начинаний в массовое, всенародное движение.

Большую роль в деле внедрения коммунистического отношения к труду имеют различные меры поощрения за самоотверженный труд, предусмотренные в правовых актах (в указах Президиума Верховного Совета СССР, в Правилах внутреннего трудового распорядка и др.).

¹ См. УК УССР, 1961, ст. 116; УК РСФСР, ст. 123.

² См. Ведомости Верховного Совета СССР, 1961, № 22, ст. 225.

Огромное значение в деле повышения культурно-технического уровня трудящихся имеют правовые нормы, предусматривающие организационно-правовые формы подготовки и повышения квалификации кадров, различные льготы и преимущества для обучающихся без отрыва от производства¹.

Поощряя трудовой героизм и творческую инициативу, советское право в то же время усиливает борьбу с тунеядцами. Ярким свидетельством этого является Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» и аналогичные указы в других республиках. Поощряя благородные поступки, направленные на защиту социалистической собственности, право одновременно усиливает борьбу с бесхозяйственным, нерадивым отношением к общественному имуществу².

* *
*

Усиление взаимодействия, взаимовлияния права и морали в процессе нормотворчества приводит к сближению правовых и нравственных норм.

Сближение выражается прежде всего в том, что моральный элемент занимает все большее место в самой правовой норме, шире отражаются в праве принципы и нормы коммунистической морали, еще большее место в правовой норме занимает моральная оценка того или иного поступка.

Все чаще статьи законов содержат в себе нравственную мотивировку, говорят о чести, долге лиц, которым адресована норма права. Это характерно не только для конституционных норм. Так, например, «Закон о защите мира», карающий за пропаганду войны, ссылается на нравственное сознание масс, выдержавших на протяжении жизни одного поколения ужасы двух мировых войн. Подробная нравственная мотивировка содержится в Указе «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» и т. д.

Усиление взаимодействия права и морали накладывает свой отпечаток на форму и содержание права. Растет число поощряющих норм, особенно норм, поощряющих коммунистическое отношение к труду. К таким нормам относятся статуты об орденах, медалях, положения о присвоении почетных званий, положение о Ленинских премиях и т. д. Широкое распространение получили рекомендательные нормы, применяющиеся особенно часто для регулирования колхозных отношений.

Проникновение морали в право вызывает изменение элементов правовой нормы. Все чаще встречаются общие диспозиции, более широкие гипотезы, санкции, предусматривающие применение мер общественного воздействия. Постепенно изменяется и соотношение составных элементов нормы, совершенствуется внутренняя форма правовой нормы, ее структура. Все чаще во вступлении к закону дается подробная нравственная мотивировка, разъясняются цели и задачи закона.

¹ См. СП СССР 1959 г., № 14, ст. 90; № 19, ст. 157; № 2, ст. 165; СП СССР 1960 г., № 17, ст. 152.

² См. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники». Ведомости Верховного Совета СССР, 1962, № 1.

Появляются нормы, в которых отсутствует такой обязательный элемент правовой нормы, как санкция¹.

Можно наблюдать и прямое переплетение нравственных и правовых элементов в нормах права.

Уголовные кодексы союзных республик предоставляют судам право в определенных случаях прекращать дела и передавать правонарушителя на поруки общественной организации, т. е. применять меру общественного воздействия.

С другой стороны, товарищеские суды, наряду с мерами общественного воздействия, применяют и такие меры принуждения, которые еще не потеряли полностью государственный характер, например, штрафы.

Некоторые правовые нормы предусматривают обязательность предварительного применения мер общественного воздействия. Так, например, новые уголовные кодексы союзных республик устанавливают, что за такие правонарушения, как мелкая спекуляция и другие менее опасные правонарушения, уголовное наказание применяется только после того, как к правонарушителем были применены меры общественного воздействия. Меры общественного воздействия в качестве обязательного предварительного условия предусмотрены при увольнении по ст. 47 КЗОТа, п. «г»² и т. д.

Вследствие все большего проникновения морального элемента в правовую норму, меняется не только структура, но и характер правовой нормы. Как известно, нормы морали носят более общий характер, в них выражены общие принципы, общие требования, предъявляемые к поведению человека. Что же касается норм права, то они обычно преследуют или поощряют конкретные и формально определенные действия.

В период перехода к коммунизму появляется множество норм, которые содержат не конкретные требования, закрепленные санкцией, а рекомендацию или призыв, например, призыв к активной борьбе с нарушителями общественного порядка, к героизму в труде и т. д.

Нет сомнения в том, что будущие неправовые нормы коммунистического общества в большинстве случаев будут носить общий характер, ибо высокая сознательность членов коммунистического общества делает ненужной строгую мелочную регламентацию всех поступков, прав и обязанностей. Тенденция изменения характера правовой нормы свидетельствует о том, что наши правовые нормы в своем развитии постепенно приближаются к этим будущим правилам.

В свою очередь на нормах морали сказывается влияние правовых норм. Нормы морали приобретают в ряде случаев формальную определенность, более конкретный характер. Нормы морали получают закрепление и иногда довольно детальное выражение в уставах общественных организаций, в заповедях коллективов коммунистического труда. Наиболее полно принципы коммунистической морали воплощены в моральном кодексе строителя коммунизма, сформулированном Программой КПСС.

¹ Некоторые авторы возражают против вывода об исчезновении санкций, ссылаясь на то, что санкции не обязательно должны быть включены в состав конкретной нормы. (См. О. Э. Лейст. Санкции в советском праве. Госюриздат, М., 1962, стр. 21). Это не аргумент, ибо речь идет не о возможности существования отдельных норм без непосредственных санкций, а о том, что все распространеннее становятся нормы (в частности, нормы-призывы), которые вообще не нуждаются в санкциях.

² См. Постановление Пленума Верховного суда СССР «О судебной практике по гражданским и трудовым делам» от 13 сентября 1957 г. «Бюллетень Верховного суда СССР» № 5, 1957 г.

* *

*

Усиление влияния морали на право в области применения права выражается в том, что вопрос о мотивах поведения, моральном облике обвиняемого или сторон в гражданском деле приобретает все большее значение для решения практических вопросов права. Необходимость выяснения морального облика обвиняемого прямо предусмотрена нашим законодательством¹.

По мере развития советского общества происходит сближение методов обеспечения права и нравственности. Право, подобно морали, обеспечивается не только и не столько государственным принуждением, сколько силой общественного мнения и внутренней убежденностью народа в справедливости и целесообразности определенных правовых норм. Последнее особенно важно учитывать, ибо при коммунизме именно внутренняя убежденность в справедливости норм станет главной гарантией их соблюдения².

В период развернутого строительства коммунизма роль морального фактора, методов убеждения в обеспечении и применении права чрезвычайно возрастает. Это находит выражение в повсеместном добровольном соблюдении права, а также в усилении роли общественности в борьбе с нарушениями правопорядка и правил социалистического общежития. «В процессе перехода к коммунизму, — указывается в Программе КПСС, — все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора и соответственно уменьшается значение административного регулирования взаимоотношений между людьми»³.

В свою очередь право воздействует на процесс применения и обеспечения моральных норм.

В период строительства коммунизма право все активнее выступает в защиту норм коммунистической морали. О необходимости соблюдения норм морали говорится в Конституции СССР, в ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и в других правовых актах.

Влияние права на мораль выражается и в том, что право содействует распространению и совершенствованию методов общественного воздействия. Это особенно хорошо видно на примере таких актов, как Положение о товарищеских судах, в правовой регламентации таких общественных органов, как комиссии по делам несовершеннолетних, административные комиссии при исполкомах местных Советов и др.

Закрепляя широкое участие общественности в борьбе за соблюдение социалистической законности и правил социалистического общежития, право тем самым приучает массы к добровольному соблюдению правил поведения на основе глубокого убеждения.

Таким образом, для процесса перехода к коммунизму характерно усиление взаимодействия права и нравственности. Все чаще правовые и нравственные нормы выступают вместе, дополняя друг друга. Принципы коммунистической морали, пронизывая социалистическое правосознание, определяют появление новых, подлинно нравственных правовых норм, которые в свою очередь становятся могучим орудием внедре-

¹ См., например, ст.ст. 39, 45, 50, 51, 52 и др. УК УССР.

² В нашей литературе обычно говорят лишь об обеспечении права государственным принуждением и общественным мнением, что совершенно недостаточно для характеристики права периода развернутого строительства коммунизма.

³ Программа КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 119.

ния общечеловеческой по своему объективному содержанию коммунистической нравственности.

Сближаются по своему содержанию и форме правовые и нравственные нормы, методы обеспечения норм, наблюдается прямое переплетение и взаимопроникновение правовых и нравственных отношений. При этом определяющая роль в процессе взаимодействия права и нравственности принадлежит коммунистической нравственности. Коммунистическая нравственность лежит у истоков социалистического права, в основе процесса его образования. Нравственность сопровождает все развитие права, являясь важнейшим способом его обеспечения.

О РОЛИ САМОВОСПИТАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

А. М. Степанченко

Воспитание нового человека, человека коммунистического общества, — всесторонне развитого, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство — одна из главных задач развернутого строительства коммунизма в нашей стране, поставленных XXII съездом партии, Программой КПСС.

Успехи в создании материально-технической базы коммунизма и формировании коммунистических общественных отношений неотделимы от успехов в коммунистическом воспитании трудящихся. Они зависят во многом от соответствия уровня этого воспитания назревшим потребностям общественного развития, весь ход которого властно требует повышения созидательной активности трудящихся, непрерывного развития коммунистических черт в духовной жизни нашего общества, в сознании и поведении каждого советского человека.

Становление человека с высокой коммунистической сознательностью и благородными нравственными качествами, с коммунистическим трудолюбием и дисциплиной, всецело преданного общественным интересам, делу коммунизма, происходит в процессе коммунистических преобразований в экономике, во всех областях жизни социалистического общества.

Коммунистическое самовоспитание как одно из выражений субъективного фактора формирования нового человека

В формировании нового человека взаимодействуют объективные условия и субъективный фактор. Соответственно возрастанию роли субъективного фактора в строительстве коммунизма закономерно возрастает и его значение в коммунистическом воспитании трудящихся.

Одним из существенных выражений усиления роли субъективного фактора в формировании духовного облика строителя коммунизма является коммунистическое самовоспитание и сознательная самодисциплина.

Самовоспитание личности выступает как объективная необходимость. Вопросы самовоспитания, их научная обоснованность имеют большое значение для теории и практики коммунистического воспитания. Главное в этих вопросах — уяснить диалектику перехода воспитания в самовоспитание, процессы становления активной самостоятельной личности, отвечающей требованиям общества, и определить пути и средства ее превращения из объекта в субъект воспитания¹.

¹ См. о существе вопроса самовоспитания — А. Г. Ковалев, А. А. Бодалев. Психология и педагогика самовоспитания. Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 3.

Однако, как справедливо замечает В. Н. Колбановский, в теории и практике воспитания неправомерно допускается недооценка человека как субъекта самовоспитания, на что ориентирует распространенное в нашей литературе определение воспитания, рассматривающее людей только в качестве объекта целенаправленного воспитательного воздействия¹.

Недооценка самовоспитания личности приводит к нарушению целостности воспитания как двустороннего процесса, в котором взаимосвязаны воздействие воспитателя на личность и ее воспитательное воздействие на себя в целях формирования общественно ценных качеств. В этом единстве направляющим является воздействие воспитателя. Воспитывая нового человека, надо максимально использовать неисчерпаемые возможности коммунистического самовоспитания и, опираясь на них, учить человека воспитывать себя коммунистом. В связи с этим прежде всего необходимо обосновать понятие самовоспитания как общественного явления, определить его место и роль в системе коммунистического воспитания.

В литературе даются различные определения понятия самовоспитания². Самовоспитание в основном правильно рассматривается как сознательная деятельность личности, направленная на формирование у себя положительных качеств. П. Я. Арет и П. Р. Чамата указывают, что самовоспитание направлено также на искоренение отрицательных качеств. А. Г. Ковалев подчеркивает планомерность и систематичность работы над собой как важнейший элемент самовоспитания. В брошюре В. Закладной и О. Целиковой дается слишком общее определение самовоспитания как усилий человека, сознательно направленных «...на достижение определенных личных качеств — умственных и физических, нравственных и эстетических».

На наш взгляд, существенный недостаток рассматриваемых определений понятия самовоспитания состоит в том, что в них не подчеркивается общественно значимая социальная направленность активности личности как субъекта воспитания в конкретных исторических условиях, а именно такая активность и является одним из выражений субъективного фактора в формировании личности. Нет также и определения коммунистического самовоспитания.

В. Закладная, О. Целикова правильно указывают цель воспитания и самовоспитания в условиях социализма и коммунизма, однако не дают определения понятия коммунистического самовоспитания. П. Я. Арет рассматривает отличительные черты системы коммунистического самовоспитания, но определения его тоже не дает.

В указанной литературе справедливо подчеркивается связь самовоспитания личности с воспитанием в социалистическом коллективе. Однако актуальность этого вопроса, усиление роли социалистического коллектива и общественных начал во всей жизни нашего общества в процессе перехода к коммунизму обязывают глубже раскрыть взаимо-

¹ См. В. Н. Колбановский. Значение самовоспитания в коммунистическом воспитании трудящихся. — В кн.: Вопросы теории и практики коммунистического воспитания. Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, М., 1962, стр. 245.

² См., например, Педагогический словарь в двух томах, том второй. Изд-во АПН РСФСР, М., 1960, стр. 315—316; Психология. Учебник для педагогических институтов. М., 1962, стр. 539; упомянутую работу А. Г. Ковалева, А. А. Бодалева, стр. 5; П. Я. Арет. Очерки по теории самовоспитания. Фрунзе, 1961, стр. 15; В. Закладная, О. Целикова. О самовоспитании. Изд-во «Знание», М., 1964, стр. 3; П. Р. Чамата. Про самовиховання учнів та шляхи педагогічного керівництва цим процесом. — Журн. «Радянська школа», 1963, № 4, стр. 44; И. Ротин. Среди других и наедине с собой. Госполитиздат, М., 1964.

связь воспитательного воздействия коллектива и роли самовоспитания личности в нем, более четко выделить последнее.

Очевидно необходимо уточнить понятие самовоспитания и определить сущность коммунистического самовоспитания.

Самовоспитание, как и воспитание, в классовом обществе имеет классовый характер. Эффективность самовоспитания зависит от его общественной целенаправленности в определенных условиях.

В этой связи самовоспитание следует рассматривать как одно из планомерных проявлений общественно целесообразной активности личности в конкретных исторических условиях, ее сознательных усилий для выработки и совершенствования своих духовных и физических качеств в соответствии с требованиями социального прогресса. В таком понимании самовоспитание ничего общего не имеет с надуманным самоусовершенствованием природы человека, с эгоистическим замыканием в самом себе и развитием индивидуалистических черт в отрыве от общественно значимых дел, от коллектива.

Коммунистическое самовоспитание личности представляет собой творчески активную, высоко сознательную систему деятельности человека, направленную на искоренение у себя отрицательных черт и формирование коммунистических качеств личности, которые определены в Программе КПСС.

Как видим, задачи коммунистического самовоспитания и воспитания едины. Их основная цель и главный смысл в период развернутого строительства коммунизма — полное преодоление пережитков капитализма в сознании и поведении людей, воспитание достойных строителей и членов коммунистического общества.

Воспитание и самовоспитание есть взаимосвязанные формы единого процесса формирования личности. Их нельзя ни противопоставлять, ни отождествлять, или подменять одну форму другой, так как каждая из них в целостном процессе воспитательного воздействия на личность имеет свою специфику и выполняет присущую ей общественно значимую функцию.

Рассматривать личность только как пассивный объект воспитания значит недооценивать действенность силы ее убеждений, активности и инициативы, не верить в возможности положительного воздействия личности на себя, не доверять человеку, не уважать его, что несовместимо с великим социальным смыслом гуманных отношений и взаимного уважения между людьми в социалистическом обществе. Сочетание воздействия воспитателя с самовоспитанием личности, с опорой на положительное в человеке, их единство и взаимодействие — одно из обязательных условий идейно-воспитательной работы партии, формирования нового человека. В этом — органическое единство коммунистического воспитания и самовоспитания, его обусловленность социальной сутью социалистического строя.

Недооценка самовоспитания является одной из причин недостаточной эффективности идейно-воспитательной работы, причиной несоответствия, разрыва между воздействием воспитателя и результатами этого воздействия. Целенаправленное руководство самовоспитанием способствует устранению многих недостатков воспитания, не допускает их возникновения.

Коммунистическое самовоспитание личности социально детерминировано, научно обосновано. Методологическая основа его — марксистское понимание роли человека как активного участника общественного развития, преобразования окружающего мира. В процессе трудовой деятельности человек, изменяя внешнюю природу, «...в то

же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной властью¹. Самовоспитание имеет общественную природу, его социальная направленность связана с общественной деятельностью, с реальными общественными отношениями и через них — с отношением человека к самому себе, поэтому «...то, что я делаю из моей особы, я делаю из себя для общества, сознавая себя как общественное существо»².

Естественные основы самовоспитания заложены в особенностях чрезвычайно пластичной высшей нервной деятельности человека, в его способностях благодаря второй сигнальной системе достигать высокого уровня психической деятельности, совершенствования своих психических свойств. И. П. Павлов подчеркивал, что человек есть «...система в высочайшей степени саморегулирующаяся, сама себя поддерживающая, восстанавливающая, поправляющая и даже совершенствующая», что он обязан «...знать себя и постоянно, пользуясь этим знанием, держать себя на высоте...»³, совершенствоваться согласно предъявляемым к нему обществом и государством требованиям⁴.

Для раскрытия способностей человека, обеспечивающих совершенствование своей «системы», для руководства человека самим собой, кроме благоприятных социальных условий, необходима еще активная деятельность личности в этом направлении соответственно назревшим потребностям общественного прогресса. Эти потребности и определяют содержание, социальное значение и функцию самовоспитания личности в конкретных исторических условиях.

Самовоспитание, самодисциплина и нравственное развитие личности в условиях перехода к коммунизму

Социальная значимость самовоспитания и самодисциплины закономерно возрастает в процессе перехода к коммунизму в связи с повышением уровня сознательной деятельности масс в развитии нашего общества, с возрастанием роли нравственных начал в его жизни и расширением сферы действия морального фактора во взаимоотношениях между людьми, между личностью и обществом. Вследствие этого усиливается значение нравственного воспитания как составной части коммунистического воспитания, повышается роль самовоспитания.

Успех нравственного воспитания трудящихся масс как кровного дела самих масс в значительной мере зависит от уровня самовоспитания каждого индивидуума. Это и определяет значение самовоспитания в утверждении коммунистической морали, его роль в формировании морального облика строителя коммунизма и в нравственном развитии социалистического коллектива.

Велика роль самовоспитания в формировании внутренней потребности добровольно, по общественному призванию и моральному долгу трудиться на благо общества, в превращении труда в первую жизненную потребность.

Самовоспитание и сознательная самодисциплина способствуют осознанию необходимости соблюдать правила коммунистического общежития, превращению их во внутреннюю потребность, в привычку всех лю-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, М., Госполитиздат, 1951, стр. 184—185.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956, стр. 590.

³ И. П. Павлов. Полн. собр. соч., изд. 2-е, т. III, кн. втор., М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 188.

⁴ См. там же.

дей. «Партия, — говорится в Программе КПСС, — будет поощрять все формы сознательной самодисциплины граждан, ведущие к закреплению и развитию основных правил коммунистического общежития»¹.

Сознательная самодисциплина в значительной мере является действенным продуктом коммунистического самовоспитания как выражение воли трудящихся масс и личности. Она создается в ходе революционного преобразования общества и имеет богатое нравственное содержание.

В. И. Ленин, придавая большое значение дисциплине и самодисциплине в коммунистическом строительстве, требовал неустанно работать над их созданием, укреплением организованности во всем, видел в этом суть новой революционной морали и неоднократно подчеркивал неразрывную связь новой, сознательной дисциплины с коммунистической нравственностью. «...Мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров»². Органическое единство сознательной дисциплины и коммунистической нравственности позволяет нам рассматривать сознательную самодисциплину как нравственную категорию, которая возникла в революционной борьбе рабочего класса, закрепились и развивается в коммунистической морали.

Сама социальная природа нравственности, процесс ее формирования предполагают неразрывную связь самовоспитания и сознательной самодисциплины с нравственностью. Поэтому так велика их роль в нравственном развитии личности.

Н. А. Добролюбов справедливо подчеркивал, что внутренние процессы самосознания и саморазвития являются одним из главных условий становления истинно нравственного человека, выполнения им требований долга как вошедшей в плоть и кровь потребности «...внутреннего существа своего...»³.

Конечно, человека как целостную личность формируют не только его сознательная деятельность, идейно-воспитательная работа, но и другие факторы, весь уклад жизни общества.

Однако в единстве с другими социально-экономическими факторами высокий уровень идейной убежденности, коммунистического самосознания, самовоспитания и самодисциплины как воспитателя, так и самого воспитуемого имеют теперь решающее значение в становлении нового человека.

Овладение марксистско-ленинским учением, на основе которого формируется коммунистическая убежденность, сочетание коммунистических идей с коммунистическими делами — необходимое условие глубокого осознания и превращения высоких принципов коммунистической морали в личные убеждения, во внутренне осознанный закон повседневной жизни каждого строителя коммунизма, проявляющийся как норма поведения в действиях, поступках советских людей.

Единство самообразования и самовоспитания — основной путь творческого овладения марксизмом-ленинизмом, формирования ленинской идейности, как огромной материальной силы построения коммунизма. Подчеркивая значение идейности в нравственном совершенстве личности, Ф. Э. Дзержинский писал, что любовь к идеям, объединяющим личность с массами, является озаряющим светом в жизни человека, что

¹ Материалы XXII съезда КПСС, М., Госполитиздат, 1961, стр. 410.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 269. (Здесь и далее по 4-му изд.).

³ См. Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в трех томах, т. I, М., 1950, стр. 370.

«это святое чувство сильнее всех других чувств, сильнее своим моральным наказом: «Так тебе следует жить, и таким ты должен быть»¹.

Действие этого морального наказа выражается в единстве коммунистических идей и дел. Наша социалистическая действительность богата примерами выражения такого единства, оно становится нравственной нормой активных строителей коммунизма.

Самовоспитание взаимосвязано с широким развитием социалистической демократии, с активным участием трудящихся в управлении государством и производством. Общественные начала как новая форма общественного труда в различных областях государственной, хозяйственной, культурно-просветительной и идейно-воспитательной деятельности уже глубоко вошли в нашу жизнь. Так, например, в Московском районе города Харькова почти каждый третий труженик участвует в разнообразных формах работы на общественных началах.

Из материалов конкретно-социологического исследования, которое ведет в Московском районе социологическая лаборатория Харьковского университета по теме «Развитие общественных начал в управлении производством» видно, что участие трудящихся в управлении производством является одним из факторов воспитания нового человека, его всестороннего развития, идейной закалки и нравственного роста.

Многие ударники коммунистического труда, передовые люди производства развивают в себе черты нового человека именно благодаря своему активному участию в общественной работе. Их передовой пример того, как, следуя моральному наказу, надо учиться, работать и жить по-коммунистически, служит образцом для самовоспитания.

Чтобы управлять делами общества, добиться успеха в любом деле, достичь наивысшей производительности труда, советский человек, наряду с отличным знанием техники, предмета своей деятельности, должен еще и умело управлять собой, своими действиями, изучать и непрерывно совершенствовать себя, что достигается самовоспитанием и самодисциплиной. От этого зависит многое. «Для того чтобы летать надежно, очень важно знать, как управлять самолетом, но еще важнее знать, как управлять самим собой»² (разрядка моя — А. С.). Эта мысль вполне справедлива не только относительно овладения летным мастерством, но и для любой области общественно полезной деятельности человека. Управлять собой надо и в своем духовном развитии, в нравственном совершенствовании личности.

Путем самовоспитания и самодисциплины в сочетании с товарищеской критикой преодолевается эгоизм и другие отрицательные качества, вырабатываются высокое сознание общественного долга, коммунистические черты личности, умение владеть собой и «...властной рукой направлять свою волю, свое сознание в нужную сторону, — ...чтобы коммунист господствовал над мещанином, чтобы общественная личность господствовала над личностью индивидуальной»³.

¹ Цит. по книге «Мораль как ее понимают коммунисты». М., Госполитиздат, 1963, стр. 125.

² Предисловие Героя Советского Союза генерал-полковника авиации М. М. Громова к книге: К. Платонов, Л. Шварц. Очерки психологии для летчиков. М., 1948, стр. 3.

³ А. В. Луначарский. О народном образовании, М., Изд-во АПН РСФСР, 1958, стр. 477.

Соотношение воспитания и самовоспитания личности в социалистическом коллективе

Забота трудящихся о совершенствовании своего духовного облика, о формировании коммунистических черт, всестороннем и гармоническом развитии личности закономерно выражается в движении за коммунистический труд, одна из характерных особенностей которого — единство воспитательного воздействия социалистического коллектива на личность и ее коммунистического самовоспитания. Превратившись в огромную созидательную силу, это патриотическое движение «...стало могучим ускорителем непрерывного роста и совершенствования социалистической экономики, процесса формирования коммунистических общественных отношений и воспитания нового человека»¹.

Участники движения за коммунистический труд — не только объект воспитания. Они борются за выполнение взятых на себя высоких обязательств, самообязываются служить примером нравственного совершенства, активно содействовать утверждению норм коммунистического общежития. В этом движении значительно возрастает роль человека как субъекта коммунистического самовоспитания. Партия ставит перед его участниками всенародно значимую задачу: «...упорно учиться самим и учить своим примером всех советских людей трудиться и жить по-коммунистически, вырабатывать в себе черты и качества человека нового общества»². Здесь подчеркнуты взаимодействие, единство коммунистического воспитания и самовоспитания и важная роль в нем последнего. С развитием движения за коммунистический труд усиливается действенность коммунистического самовоспитания как одной из закономерностей формирования всесторонне и гармонически развитой личности. Оно выполняет важнейшую общественно-политическую функцию и приобретает всенародный характер.

В этих условиях решающее значение имеет высокий моральный авторитет нашей партии как коллективного организатора и воспитателя. Именно такой авторитет, завоеванный нашей партией самоотверженной революционной борьбой за победу социализма, ленинская требовательность к воспитанию и самовоспитанию кадров партии — одно из важнейших условий успехов гигантской работы партии по коммунистическому воспитанию трудящихся. И на современном этапе развернутого строительства коммунизма, когда значительно возрастает руководящая и направляющая роль Коммунистической партии, усиливается ее воспитательная деятельность и повышается ответственность коммунистов, вопросы дальнейшего всестороннего развития и углубления коммунистического самовоспитания наших кадров приобретают важнейшее значение.

Известно, что успех воспитания в значительной мере зависит от морального авторитета воспитателя, который должен служить образцом в соблюдении ленинских требований к кадрам партии и социалистического государства.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что революционным кадрам необходимо самовоспитание, совершенствование себя. В приветствии «К учащимся средних школ» Ленин писал: «Старайтесь сделать главной целью своей организации самообразование, выработку из себя убежденных, стойких и выдержанных социал-демократов»³. Он подчеркивал, что самовоспитание должно идти в присущем пролетариату «...духе ор-

¹ Материалы Всесоюзного совещания передовиков движения за коммунистический труд. Профиздат, 1963, стр. 3.

² Там же, стр. 5.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 253.

ганизации и дисциплины, в духе вражды и презрения к анархической фразе»¹. Так и воспитывают себя борцы за коммунизм.

В речи, посвященной памяти Я. М. Свердлова, В. И. Ленин говорил, что «...этот вождь пролетарской революции каждое из своих замечательных свойств крупного революционера выковал сам, переживши и испытавши различные эпохи в наиболее тяжелых условиях деятельности революционера»².

В. И. Ленин обосновывает объективную необходимость коммунистического воспитания и самовоспитания трудящихся, определяет его целенаправленность — воспитать коммунистов. Ставя на III съезде РКСМ такую задачу перед комсомолом, Ленин указывает, что главным условием формирования коммунистических черт личности, ее высоких духовных качеств является борьба за коммунизм, которой и подчинена вся практическая деятельность комсомола как авангарда нашей молодежи.

«Вы должны воспитать из себя коммунистов. Задача Союза молодежи — поставить свою практическую деятельность так, чтобы, учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов»³.

Задачу самовоспитания В. И. Ленин ставит прежде всего перед руководящими кадрами партии, связывая его с выработкой опыта партийного руководства, с умением вести за собой массы. «Весь гвоздь теперь в том, — говорил В. И. Ленин на XI съезде РКП(б), — чтобы авангард не побоялся поработать над самим собой, переделать самого себя...»⁴.

Теперь, в период развернутого строительства коммунизма, ленинское требование коммунистического самовоспитания относится ко всему советскому народу, ибо он — решающая сила построения коммунизма, хозяин страны, осознающий свою активную роль в формировании нового человека.

Воспитание и самовоспитание как целенаправленные процессы, их содержание объективно обусловлены требованиями общественного развития, ибо «...цели человека порождены объективным миром и предполагают его...»⁵. Марксизм-ленинизм учит, что новые люди формируются в процессе создания нового общества и в силу объективной необходимости оно воспитает их. Это находит свое реальное выражение в воспитательной деятельности как партии и социалистического государства, так и всей советской общественности, в движении за коммунистический труд. О таком понимании задач воспитания слесарь-монтажник Ленинградского Адмиралтейского завода Герой Социалистического Труда П. С. Арцибасов говорил: «В большущей работе, в жарком труде будет сложен фундамент, материальная база коммунистического общества и вырастет хозяин этого общества — новый человек. Нам строить корабли, города, заводы! Нам воспитать человека!»⁶.

В одном из пунктов «Закона рабочей чести», сформулированного передовыми рабочими московского завода «Динамо» им. С. М. Кирова, так выражено их самообязательство заботиться о воспитании молодежи: «Кадровый рабочий — друг, наставник и воспитатель новичка. Учи так, чтобы ни тебе, ни людям не было стыдно. Нашу смену — нам и воспитывать».

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 7, стр. 358.

² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 71.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 266.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 291.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 180.

⁶ См. «Правда», 1 января 1962 г. «Нас ленинская партия ведет».

Токарь харьковского турбинного завода Герой Социалистического Труда К. С. Кисляков пишет, что «многие наши кадровые рабочие посвящают себя благородному делу — воспитанию достойной смены»¹.

Воспитание молодых рабочих становится законом деятельности многих коллективов предприятий страны. Так, например, на ряде предприятий Харькова и области успешно действуют самостоятельные организации — советы рабочей чести, созданные по инициативе передовиков Харьковского завода «Электротяжмаш» имени В. И. Ленина. заводской комитет профсоюза завода «Электротяжмаш» утвердил «Положение о совете рабочей чести» и текст «Торжественного обещания». Каждый вновь поступающий на завод по рекомендации совета принимает это обещание².

Создание советов рабочей чести — одно из проявлений заботы коллективов трудящихся о воспитании нового человека, выражение марксистского положения о том, что «...общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие этого производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их»³. Этот замечательный почин порожден объективной потребностью воспитать чувство достоинства советского рабочего, полностью преодолеть пережитки прошлого. Ценность советов рабочей чести именно в том, что в воспитании нового человека активно участвуют передовые, наиболее сознательные труженики, что они рассматривают дело коммунистического воспитания как свой моральный долг.

В воспитательной деятельности советов рабочей чести ленинский метод убеждения сочетается с самообязательством («Торжественное обещание»). В ней выражено единство воспитательного воздействия социалистического коллектива или его органов на личность и осознанных усилий самовоспитания личности, ее самодисциплины.

Это единство обеспечивает выполнение требований коллектива и поддерживает те усилия личности, посредством которых влияние коллектива, требования воспитателей переходят в ее внутренние убеждения.

Таким образом, в этих, как и в других новых, действенных формах воспитания нового человека, происходит закономерный переход внешнего воспитательного воздействия на личность в самовоспитание, вследствие чего требования соблюдать дисциплину социалистического коллектива становятся внутренней потребностью человека — формируется сознательная самодисциплина.

В результате таких переходов возникает новое качественное состояние в деятельности личности как субъекта воспитания, что способствует повышению эффективности коммунистического воспитания, единый процесс которого характеризуется высокой воспитательной активностью самого индивида. Однако такой переход нельзя рассматривать как завершённый этап воспитательного воздействия и пустить все дело воспитания на самотек.

Коммунистическое самовоспитание находится в единстве с воспитательным воздействием коллектива. Такое единство обусловлено самим положением человека в социалистическом обществе, в котором «...не должно быть уединенной личности, то выпяченной в виде прыща, то размельченной в придорожную пыль, а есть член социалистического коллектива»⁴. Именно в силу такой естественной связи личности с кол-

¹ К. Кисляков. «У нас одна забота». — «Красное знамя», (г. Харьков) 30 сентября 1964 г.

² См. газ. «Электрик», орган парткома, дирекции, завкома профсоюза и завкома комсомола Харьковского завода «Электротяжмаш» имени В. И. Ленина, 16 января 1964.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 335. (Здесь и далее по 2-му изд.).

⁴ А. С. Макаренко. Соч., т. 5, М., Изд-во АПН РСФСР, 1951, стр. 333.

лективом, осознаваемой большинством советских людей, для успеха самовоспитания необходимы различные формы воздействия на личность коллектива или воспитателей как выразителей воли коллектива. Непрерывность воздействия человека на самого себя, своеобразное самодвижение, самостимуляция в воспитании определяются и поддерживаются интересами и перспективами социалистического коллектива, которые становятся личными интересами строителя коммунизма в решении им общественно значимых задач. Таким образом, социалистический коллектив, в котором органически сочетается коллективное и личное, является опорой и живительным источником коммунистического самовоспитания.

Чем крепче связи индивида с социалистическим коллективом, тем светлее и перспективнее его жизнь, человек становится духовно богаче, нравственно чище, сильнее в своем самовоспитании, ответственность личности перед коллективом возрастает, а это в свою очередь способствует укреплению морального авторитета коллектива, повышению его роли как субъекта воспитания. Самовоспитание вне коллектива невозможно, ибо «только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков...»¹.

В условиях общенародного социалистического государства создаются широкие возможности взаимодействия воспитания и самовоспитания как одного из средств гармонического развития личности в коллективе.

Окружающий мир должен быть так устроен, «...чтобы человек в нем познавал и усваивал истинно человеческое, чтобы он познавал себя как человека»². Важнейшим фактором коммунистического самовоспитания является революционная деятельность личности по преобразованию мира, его устройству на коммунистических началах, ибо в такой деятельности «...изменение самого себя совпадает с преобразованием обстоятельств»³.

Это определяет подлинно гуманную сущность и общественную направленность коммунистического самовоспитания как деятельности личности по совершенствованию своих духовных качеств в соответствии с коммунистическими идеалами. Такая деятельность наполняет активность человека общественным содержанием, способствует полному преодолению индивидуализма и эгоизма, успешному формированию коммунистических черт. Добросовестный труд на благо общества—главное условие и требование коммунистического воспитания и самовоспитания.

Еще в своем сочинении на выпускном экзамене в Трирской гимназии Маркс писал: «...человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего совершенствования только работая для усовершенствования своих современников, во имя их благ».

Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком.

История признаёт тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее»⁴.

Идеалом, вдохновляющим примером для самовоспитания служат немеркнувший в веках величественный и обаятельный образ В. И. Ленина — самого человеческого человека — и образцы преданности делу коммунизма его соратников и учеников.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 75.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 145.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 201.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 5.

Ленинские черты живут в революционных традициях рабочего класса, в трудовых и ратных подвигах советского народа, в героике наших дней. Наиболее концентрированное выражение они нашли в моральном кодексе строителя коммунизма. Мы видим эти коммунистические черты у многих передовых людей нашего времени, являющихся конкретным примером для самовоспитания в духе коммунизма всех советских людей и особенно молодежи. Осознавая дело воспитания молодого поколения как свой общественный долг, они своим личным примером заботливо помогают молодежи воспитывать в себе коммунистические черты, сочетать коммунистические идеи с коммунистическими делами.

На наш взгляд, одна из насущных задач пропагандистов, всех воспитателей в социалистическом обществе, научных работников, особенно в области коммунистического воспитания, состоит в том, чтобы уметь отбирать и пропагандировать положительные черты передовых людей как образцы для самовоспитания, концентрировать такие черты и на этой основе показывать конкретный целостный образ и пути формирования личности, в которой воплощаются ленинские нормы повседневной жизни. Это существенно поможет советским людям осуществить свой идеал — научиться жить и работать по Ленину, воспитать себя достойными строителями и членами коммунистического общества.

Материалы опроса студентов, проведенного в Харьковском университете в целях изучения воспитательной работы, говорят о том, что воплощение идеала человеческих достоинств, пример для самовоспитания наша студенческая молодежь видит прежде всего в образе В. И. Ленина и его соратников. Большинство студентов в своих ответах считает идеалом человеческих достоинств простоту, скромность, честность, правдивость, человечность, высокую идейность и принципиальность, в целом моральный кодекс строителя коммунизма как совокупность высоких нравственных качеств. Эти черты они находят в исторических личностях, у революционеров, у деятелей науки, в литературных образах, а также у известных им передовых людей, учителей, преподавателей, среди близких.

Отрицательными сторонами морального облика, которые надо полностью преодолеть, большинство опрошенных называет высокомерие, зазнайство, честолюбие, нечестность, отсутствие принципиальности.

Все это в целом говорит о высоких идеалах нашей молодежи, о благоприятных условиях и целенаправленности ее самовоспитания и вместе с тем обязывает конкретизовать руководство самовоспитанием молодежи, организовать ее деятельность и повседневную жизнь в соответствии с коммунистическими идеалами.

Коммунистическое самовоспитание опирается на основные устои социалистического общества и обусловленные ими ценные качества человека, на его трудовую, общественную активность, на стремление к всестороннему и гармоническому развитию свободной личности. Максимально использовать благоприятные условия социалистического строя для общественно направленного развития и совершенствования своих физических и духовных сил, своих способностей и талантов — одна из главных задач коммунистического самовоспитания личности в наше время.

Коммунистическое воспитание трудящихся — главное в идеологической работе партии на современном этапе. Самовоспитание — одно из действенных средств идейно-воспитательной работы, основная цель которой — идеологически обеспечить претворение в жизнь Программы КПСС, научить всех советских людей жить и трудиться по-коммунисти-

чески. Она должна быть поставлена так, чтобы, учась этому, советские люди посредством самовоспитания могли бы, говоря словами В. И. Ленина, идти дальше самостоятельно¹.

* *
*

Проблемы формирования нового человека, коммунистического воспитания и развития культуры коммунизма ставятся в центр внимания всех общественных наук². Для решения этих проблем в условиях развернутого строительства коммунизма важное значение имеет дальнейшее развитие марксистско-ленинской теории воспитания и самовоспитания, разработка обоснованных практических рекомендаций в области коммунистического самовоспитания.

Это одна из задач общественных наук, решение ее несомненно будет способствовать успешному выполнению Программы КПСС.

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 285.

² См. Постановление сессии Общего собрания Академии наук СССР, посвященной задачам развития общественных наук в условиях развернутого строительства коммунизма. Принято 20 октября 1962 г. Ж. «Вопросы философии», 1963, № 1, стр. 141.

В. И. ЛЕНИН ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ СВОБОДЫ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ

О. Г. Берзин

Решение проблемы соотношения свободы и необходимости требует, прежде всего, рассмотрения вопроса об объективных возможностях осуществления свободы в необходимом развитии. Наличие таких объективных возможностей позволяет обосновать совместимость свободы с необходимостью. Трудность здесь состоит в том, что свобода, с одной стороны, основывается на необходимости, заключается в познании и практической реализации необходимости, а с другой — понятие свободы противоположно необходимости, содержит в себе момент отличия от нее.

Разрешение этого диалектического противоречия возможно потому, что процесс развития действительности является одновременно и необходимым и допускающим, с объективной стороны, осуществление свободы. Такое «единство противоположностей» допустимо при условии наличия объективных возможностей выбора в самом необходимом развитии, так как свобода всегда предполагает определенный выбор, хотя и не сводится к нему. Говоря о выборе, мы имеем в виду существование различных объективных возможностей реализации необходимого процесса. Наличие такого выбора определяет в общем виде совместимость свободы с необходимостью, их связь и различие, — свобода заключается в реализации одной из необходимых возможностей развития в противоположность другой, тоже необходимой, но при иных условиях.

Проблеме объективной обоснованности выбора и свободы уделяется незаслуженно мало внимания в нашей литературе, соотношение свободы и необходимости рассматривается зачастую абстрактно, лишь в самом общем плане, а совместимость свободы с необходимостью считается чем-то само собой разумеющимся. В данной статье содержится попытка проследить некоторые аспекты ленинского решения этой проблемы, — главным образом на материале борьбы В. И. Ленина с субъективистскими и объективистскими извращениями соотношения необходимости и свободы в конце XIX—начале XX века.

В. И. Ленин разрабатывал проблему объективной совместимости свободы с необходимостью в эпоху практического осуществления исторической необходимости перехода к новому общественному строю, обосновывая роль субъективного фактора практики классовой борьбы пролетариата в новых условиях.

Если ранее основоположники марксизма, устанавливая прежде всего объективную необходимость перехода от капитализма к социализму, опровергали, главным образом, субъективистскую интерпретацию общественного развития, то центр тяжести ленинской критики в новую

эпоху лежит в борьбе против объективистских концепций правого оппортунизма.

Ревизионизм, стремясь принизить роль субъективного фактора, противопоставлял объективную необходимость свободе, навязывал марксизму фатализм в понимании хода истории. При этом ревизионисты опирались на неокантианское искажение проблемы детерминизма.

Неокантианцы (Ф. Ланге, Г. Риккерт, В. Виндельбанд и др.) отрицали объективную необходимость в истории, исходя из якобы существующей «неповторимости» явлений общественного развития. В то же время в силу характерного для кантианства соединения идеализма и механицизма в понимании природы естественная необходимость сводилась ими к внешней необходимости причинных связей, что вело к признанию однозначности и предопределенности развития, полностью исключало объективные возможности выбора в нем.

Распространение Марксом и Энгельсом материализма на область истории и вытекающее отсюда признание естественно-исторической необходимости неизбежно вело, по мнению критиков марксизма, к историческому фатализму, к отрицанию возможности сознательного и активного воздействия людей на общественные процессы. Признание марксизмом активной роли классов, партий, личностей в осуществлении исторической необходимости расценивалось неокантианцами как его внутреннее противоречие.

Подобная фальсификация материалистического понимания истории характерна была, например, для неокантианца Р. Штаммлера. Он утверждал, что признание естественно-исторической необходимости, т. е. «наступления события совершенно определенным образом» исключает содействие ее осуществлению, которое столь же бессмысленно, как и создание партии содействия лунному затмению; оно приводит лишь к фаталистическому ожиданию последствий. Знаменательно, что взгляды Р. Штаммлера восхвалял «легальный марксист» П. Струве, использовавший неокантианское обвинение марксизма в фатализме для приписывания материалистическому пониманию истории объективистских представлений¹.

С неокантианских позиций истолковывал марксистский детерминизм ревизионист Э. Бернштейн. Он отрицал само понятие «материалистическое понимание истории», ибо оно означает перенесение детерминизма естественно-научного материализма на область истории, «не вполне» детерминированную². Под детерминизмом он, конечно, понимал механический детерминизм, хотя и пытался после критики его взглядов разграничить необходимость и причинность. Для него детерминизм — «материально устанавливаемая необходимость», а материю он сводил к «механике молекул». Неудивительно, что в применении к истории такой детерминизм, приписываемый Бернштейном Марксу, ведет к фатализму³.

Опровергая доводы противников марксизма, В. И. Ленин всегда подчеркивал диалектический характер исторического материализма. Попытки обосновать фатализм в истории на основе метафизического понимания детерминизма природы были опровергнуты еще Марксом и Энгельсом.

Диалектико-материалистическое истолкование детерминизма было достигнуто прежде всего новой трактовкой соотношения необходимости, причинности и случайности. В противоположность метафизическому

¹ П. Струве. На разные темы (1893—1901), СПб., 1902, стр. 499—500.

² Э. Бернштейн. Исторический материализм, СПб., 1901, стр. 24.

³ Э. Бернштейн. Очерки из истории и теории социализма, СПб., 1902, стр. 316.

отождествлению необходимости и причинности марксизм исходит из признания необходимости, определяемой внутренним основанием и условиями развития. Необходимый в силу этого характер самодвижения предмета опрокидывает представление об абсолютной необходимости и предопределенности развития, вытекающее из абсолютизации внешних причинных связей.

В то же время марксистское истолкование необходимости не приводит к предопределенности внутренне необходимого развития. Взаимодействие необходимого и случайного в силу связи внутреннего и внешнего в развитии предмета исключает прямое саморазвитие внутренней необходимости. Случайность играет существенную роль в становлении необходимости и оказывает влияние на ход ее развития. Диалектическая трактовка соотношения необходимости и случайности, как показали Маркс и Энгельс, опровергает мистику и фатализм в понимании истории¹.

В связи с обоснованием отличия марксистского детерминизма от метафизического отметим важное замечание В. И. Ленина о каузальности как лишь о частичке всемирной связи, выражающей эту связь односторонне, отрывочно и неполно². Характерно также, что, критикуя махиста Петцольдта за его «закон однозначности», согласно которому «природа не выбирает ни одного из бесчисленных других возможных направлений», Ленин говорит о нем, как о чистейшем метафизике, «который понятия не имеет об относительности различия случайного и необходимого»³.

Следовательно, признание детерминированности исторического процесса не исключает объективных возможностей выбора и не ведет поэтому к фатализму. Однако наличие объективных возможностей выбора необходимого в его взаимодействии со случайным не разрешает еще проблему совместимости свободы с необходимостью. Познавая необходимое в случайном и ограничивая действие случайности, мы достигаем господства лишь над случайностью. К. Маркс говорит о свободе в обществе как господстве над случайностью и материальными отношениями⁴. Достигаемое же здесь господство над случайностью вовсе не означает свободы в осуществлении исторической необходимости. Это объясняется характером воздействия случайности на необходимость, которое, как показал Маркс, сводится в конечном счете лишь к ускорению или замедлению общего хода развития. Поэтому свобода еще не раскрывается как господство над «слепой» необходимостью, не исчезает представление об автоматическом осуществлении необходимого изменения материальных общественных отношений.

Обычно, обосновывая роль свободы в осуществлении исторической необходимости, приводят тот довод, что в обществе, в отличие от природы, действуют люди, обладающие сознанием и волей; что историческая необходимость включает сознательную деятельность людей, без которой она не может осуществиться. Но это общее положение недостаточно для доказательства совместимости свободы и необходимости. Ведь мы исходим из естественно-исторического характера необходимости, т. е. из наличия в обществе процессов, протекающих независимо от сознания и воли людей. Признание сознательной деятельности людей не-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., Госполитиздат, 1955, т. II, стр. 444—445; Ф. Энгельс. Диалектика природы, Госполитиздат, 1953, стр. 172—175.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 143—144.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 167—168.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 440.

обходимым звеном исторического процесса еще не говорит о достижении свободы в этом процессе.

Неубедительность приведенного выше довода в пользу совместности свободы с необходимостью была подмечена противниками марксизма. Например, Струве выдвигал следующее соображение против положения, что необходимость объемлет и целесообразную деятельность людей и потому не может совершаться без их действий. Он утверждал, что развитие в обществе складывается из наших действий, но совершенно не зависит от того, как мы будем действовать, ибо образ наших действий заранее детерминирован и не зависит от нашей решимости действовать так, а не иначе¹. Здесь отчетливо видна попытка спекуляции на объективном характере исторической необходимости с целью принизить роль субъективного фактора.

Для опровержения объективистской критики марксизма недостаточно было ограничиваться подчеркиванием необходимой обусловленности свободы. Между тем некоторые видные теоретики социал-демократии и в новую эпоху останавливались лишь на этой стороне соотношения свободы и необходимости.

Например, Г. В. Плеханов, в произведении «К вопросу о роли личности в истории», полемизируя с теми, которые «приняли у нас всерьез замечания Штамmlера» о противоречии, якобы свойственном марксизму в вопросе о необходимости и свободе, убедительно доказывает, что свобода основывается на познании необходимости. Но свободу он сводит к желанию служить «орудием необходимости», не раскрывает центрального в марксистском понимании свободы положения о господстве над «слепой» необходимостью природы и общества, достигаемом на основе познания и практического осуществления необходимости. Поэтому возможность свободы, совместимость свободы с необходимостью остается у него недоказанной и критика объективизма не достигает цели.

В. И. Ленин, говоря о заслугах Плеханова в отстаивании материализма в борьбе с идеализмом кантианского типа, в то же время замечал в связи с критикой современного кантианства, что «Плеханов критикует кантианство... более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения...»².

Правильное решение проблемы соотношения исторической необходимости и свободы требует прежде всего выяснения объективных оснований выбора, содержащихся в самом необходимом развитии, и возможностей осуществления такого выбора на основе свободы. Для этого надо остановиться на специфике исторического детерминизма, проследить особенности исторической необходимости в ее возникновении, развитии и осуществлении.

Исторический материализм исходит из признания существования независимых от сознания и воли людей процессов. Формирование материальных общественных отношений в процессе деятельности, направленной на производство средств существования, носит естественно-исторический характер. Однако имеется существенное различие в характере становления необходимости природы и общества.

Специфической особенностью человеческой деятельности является производство и применение средств труда, при помощи которых реализуются цели, отражающие закономерности природы. Для правильного понимания особенностей материального производства важное значение имеет отмеченное В. И. Лениным положение Гегеля о том, что

¹ См. П. Струве. На разные темы (1893—1901), СПб., 1902, стр. 501—502.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 161.

«...в своих орудиях человек обладает властью над внешней природой, тогда как в своих целях он скорее подчинен ей». Выделяя это положение, В. И. Ленин характеризует его как зачатки исторического материализма у Гегеля¹. Действительно, в производстве, в материальном создании «второй природы» человек достигает свободы, господства над внешней природой.

Это и определяет особенности возникновения исторической необходимости. Если необходимость природы формируется через отбор случайного, то изменение материальных общественных отношений имеет, в силу сказанного выше, необходимо направленный характер уже в стадии становления. Мы говорим о процессах, связанных с возникновением нового.

Это позволяет с точностью констатировать неизбежность превращения в действительность необходимых тенденций исторического развития уже в процессе их возникновения. Отсюда становится ясным несостоятельность модного в буржуазной философии перенесения вероятностных процессов природы на общество, «опровержения» неизбежности социализма ссылкой на вероятность его наступления. Надо отметить, что в свое время подобным образом пытался опровергнуть теорию научного социализма еще Бернштейн.

Историческая необходимость не сводится ни к абсолютной необходимости, ни к вероятной. В. И. Ленин рассматривал общество не как нечто «механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации...», а как «живой, находящийся в постоянном развитии организм»².

В. И. Ленин устанавливает объективные возможности выбора и свободы в развитии и реализации исторической необходимости посредством анализа особенностей материальных отношений. Объективный анализ их необходимого развития он доводит до анализа классового содержания процесса.

Материальные общественные отношения раскрываются в процессе развития как внутренне неоднородные, противоречивые. В антагонистическом обществе они выступают как противоречия определенных социальных групп, классов. Эти противоречия объективно обуславливают возникновение практики классовой борьбы, направленной непосредственно на преобразование общественных отношений. Отсюда появление различных тенденций объективно необходимого развития, его внутренняя неоднозначность. В силу специфики становления исторической необходимости это происходит в рамках общей необходимой направленности к высшему общественному строю.

Таким образом, исследование общественных отношений как результата борьбы классов, из которой складывается действительность, обнаруживает и наличие различных тенденций необходимого развития, и реализующие их силы.

Применение В. И. Лениным марксистской теории классов и классовой борьбы к объективному анализу общественного развития имеет определяющее значение в решении проблемы соотношения свободы и исторической необходимости. Здесь проявляется то принципиально новое, что отличает марксистско-ленинскую трактовку исторического процесса как от волюнтаристских и фаталистических концепций, так

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 172.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 165.

и от эклектического соединения деятельности личности с объективной необходимостью общественного развития¹.

Ленинское понимание исторического детерминизма показывает, что историческая необходимость не является однородной, однолинейной, неизменной в порядке стадий развития; что она раскрывается как противоречие и содержит объективные возможности выбора того или иного типа необходимого развития, той или иной формы осуществления исторической необходимости, выбора необходимости высшего порядка, минуя ранее необходимые стадии развития. Наличие выбора в необходимом создает предпосылки свободы как господства уже не только над случайностью, но и над необходимостью. Свобода раскрывается как выбор ведущей, прогрессивной необходимой возможности, как выбор необходимости высшего порядка, выбор наиболее прогрессивных форм развития, — в противоположность стихийному развитию «слепой» необходимости. Этим решается проблема совместимости свободы с необходимостью: в стихийном развитии необходимости мы устанавливаем наиболее прогрессивные направления необходимого развития, т. е. достигаем теоретической свободы в отношении «слепой» необходимости; далее, практически реализуя наиболее прогрессивные возможности осуществления необходимости вопреки противодействующим тенденциям, мы достигаем действительной свободы.

В противоположность субъективизму мы не рассматриваем свободы вне ее соотношения с необходимостью — она целиком основывается на объективной необходимости; в противовес объективизму мы не отрицаем свободы на основании существования необходимости — необходимость сама содержит в себе объективные основания выбора и свободы; вопреки эклектизму мы не соединяем механически свободу и необходимость — свобода выступает как выбор необходимости высшего порядка в противоположность необходимости низшего порядка; необходимость, будучи осознанной, становится свободной в противоположность «слепой» необходимости.

Между прочим, отсюда становится ясным ответ на приведенное выше струвистское «обоснование» фатализма. Образ действий человека в самом деле заранее детерминирован определенным образом, но детерминирован он необходимостью как противоречием и возможностью, не исключающей свободы выбора в необходимости и формах ее реализации.

В. И. Ленин разрабатывал проблему объективных возможностей выбора в необходимом развитии в связи с практическими задачами революционного движения того времени. В России конца XIX в. проблема выбора в пользу социализма стала предметом острых теоретических споров, так как становление необходимой тенденции к социализму шло наряду с необходимым еще развитием капитализма. Следовательно, решалась проблема возможности выбора между необходимостями разных порядков.

В. И. Ленину приходилось бороться, с одной стороны, против субъективистского стремления народников обосновать выбор социализма в обход капитализма, с другой — против попыток абсолютизации необходимости капитализма «легальными марксистами», исключавшей возможность выбора в пользу социализма.

Например, глава либерального народничества Н. К. Михайловский утверждал, что понятие исторической необходимости применимо лишь к фактически совершившемуся, а не к текущей жизни, где мы высту-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 387—388, 415—430; т. 2, стр. 539—540; т. 26, стр. 57—58.

паем как живые участники событий. Поэтому капитализм, стихийно развившись на Западе, перестает быть необходимым в России в силу осознания отрицательного характера его последствий, сознательного влияния на ход экономической эволюции¹.

Возражая ему, П. Струве заявлял о существовании «непреодолимых исторических тенденций», о том, что материалистическое понимание истории якобы «игнорирует личность как социологически ничтожную величину»².

Народническим мечтаниям о «выборе пути без буржуазии», основывающимся на отрицании возможного как необходимого, Ленин противопоставляет «факт господства буржуазии», наличность капиталистических отношений в России³.

Вместе с тем он резко выступает против отождествления необходимости и бытия, допускаемого Струве. Такое отождествление приводит к отрицанию противоречивости необходимого развития, к исключению возможности выбора в рамках осуществления наличной необходимости (капитализма) в пользу необходимой тенденции (социализма). В. И. Ленин требует не простой констатации «необходимости данного... процесса», доказательства необходимости «данного ряда фактов», признания «непреодолимых исторических тенденций», а раскрытия этой необходимости как совокупности антагонистических отношений, противоречий классов — «носителей процесса», «определяющих содержание данных порядков»⁴.

Такой анализ позволяет обнаружить в данном капиталистическом развитии объективные возможности «положить конец ему», указать единственный, а потому ближайший «путь к человеческому счастью»⁵, — путь к социализму.

Объективизм, апология капитализма на основе факта его существования приводит, как указывает В. И. Ленин, к извращению материалистического понимания истории, так как ограничивается «одной, наиболее общей, стороной теории», и не проводит ее «с полной последовательностью»⁶, т. е. не связывает изменение материальных отношений с практикой классовой борьбы.

Приведенные ленинские положения позволяют сделать вывод, что нельзя субъективистски миновать необходимые фазы развития, когда они воплотились в действительность, стали фактом; но в силу противоречивости этой необходимости существуют объективные возможности выбора в пользу необходимости высшего порядка еще до полного развития данной необходимости. Существование возможности выбора необходимости высшего порядка является объективным основанием свободы.

Обобщая опыт буржуазно-демократической революции в России, В. И. Ленин раскрывает далее объективные возможности выбора между различными типами необходимого развития одной сущности.

Подчеркивая неизбежность, неустранимость буржуазно-демократического переворота в экономической и политической жизни России, которому «никакая сила в мире не может помешать», Ленин устанавливает в то же время неоднозначность, двоякую объективную возмож-

¹ См. Н. К. Михайловский. Литература и жизнь. Ж. «Русская мысль», 1892, № 6, стр. 195; ж. «Русское богатство», 1894, № 1, стр. 99, 112, 113.

² См. П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, СПб., 1894, стр. 11, 30.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 404—405.

⁴ См. там же, стр. 418—419, 445, 526.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 370.

⁶ Там же, стр. 455—456.

ность такого необходимого развития, которое может совершаться по прусскому или американскому типу. Выбор как «объективный исход борьбы общественных сил» определяется «...равнодействующей классовой борьбы». Каждый из классов действует по линии, определяемой его экономическим положением. О двух путях поэтому можно говорить в том смысле, что равнодействующая пройдет ближе к одной из двух линий — «реформ» или «бурь»¹.

Следовательно, существуют объективные возможности выбора не только между необходимостями разного порядка, но и в рамках осуществления одной, данной необходимости между различными типами ее развития. Наличие возможности прямого, революционного пути необходимых буржуазно-демократических преобразований является объективным основанием свободы в осуществлении этой необходимости, — ведь речь идет не об эволюционных, а революционных изменениях в развитии. Мы говорим лишь об объективных возможностях свободы, ибо сама реализация необходимости на основе свободы требует дополнительных условий.

В. И. Ленин связывает выбор в типе развития данной необходимости с выбором в пользу необходимости высшего порядка. Прогрессивная возможность революционного осуществления буржуазно-демократических преобразований в условиях существования тенденции к социализму становится основанием более высокой ступени свободы, — она создает объективные условия непрерывной революции, условия перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Следовательно, выбор в рамках одной сущности становится основанием выбора между сущностями. Следует заметить, что и возможность выбора первого — выбора в рамках капитализма создается наличием тенденции к социализму и осуществляется в процессе ее реализации.

В. И. Ленин ставит исследуемый вопрос и в более широком плане — как вопрос о выборе между зигзагообразным и прямым путем развития.

В. И. Ленин всегда подчеркивал необходимость выбора прямого пути развития, когда он объективно возможен. В то же время он обосновал объективные возможности выбора и свободы в периоды, когда обстоятельства навязывают зигзагообразный путь развития. В противовес метафизическому разрыву этих двух типов развития, характерному для оппортунизма, Ленин требует использования объективно необходимого в силу обстоятельств зигзагообразного пути для борьбы «за наилучшую возможную почву деятельности», ведя «всю работу этого использования в направлении «конечной цели...», для перехода на прямой путь»².

Следовательно, объективные возможности выбора существуют не только в виде двух типов необходимого развития, но и в рамках одного из них, зигзагообразного, а наличие при этом возможности выбора в пользу необходимости высшего порядка создает объективные основания свободы и на этом пути развития.

В связи с этим В. И. Ленин определяет отношение к компромиссам, соотношение реформы и революции. Указывая на сходство отношения марксизма к зигзагообразному пути истории с отношением к компромиссам, на то, что зигзагообразный поворот истории всегда есть компромисс между старым и новым, он подчеркивает, что марк-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 43; т. 16, стр. 323; т. 25, стр. 163—164.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 159; т. 26, стр. 77—78; ,

сизм считает необходимым использование таких компромиссов¹. Эти положения имели и имеют важное значение в борьбе против левого оппортунизма, отрицающего возможность выбора при зигзагообразном ходе истории и абсолютизирующего прямой путь в любых условиях. В конечном счете такое отрицание объективных возможностей выбора и свободы приводит к субъективизму и авантюризму в политике.

Обоснование проблемы выбора в рамках зигзагообразного пути истории требует также рассмотрения отношения к преобразованиям, возможным на таком пути в условиях капитализма. Как уже говорилось, возможности выбора здесь определяются борьбой за «наилучшую возможную почву деятельности», создающую основу выбора прямого пути. Устанавливая эти возможности, марксизм борется как против реформизма и ревизионизма, так и против левого оппортунизма, отрицающих по сути возможности такого выбора. В конечном счете обе разновидности оппортунизма, лишая массы действительного выбора и свободы в осуществлении необходимости, парализуют их активность, отдают их во власть стихийных сил развития.

В. И. Ленин всегда подчеркивал связь глубоких демократических преобразований и социалистической революции. «Через использование буржуазного демократизма, — указывал он, — к социалистической и последовательно — демократической организации пролетариата против буржуазии и против оппортунизма. Иного пути нет. Иной «выход» не есть выход. Иного выхода не знает марксизм, как не знает его действительная жизнь»². Отсюда понятна ложность оппортунистического «выбора», игнорирующего диалектическую связь различных путей общественного развития, не умеющего поэтому раскрыть новых объективных возможностей выбора и свободы, создаваемых влиянием необходимой тенденции высшего порядка.

Ленинское обоснование возможности выбора в рамках капитализма в пользу демократических преобразований, подготавливающих переход к социализму, получило дальнейшее развитие в Программе КПСС. Ныне борьба за демократию рассматривается как составная часть борьбы за социализм. Определена возможность осуществления еще до свержения капитализма демократических преобразований, выходящих за пределы обычных реформ и имеющих жизненное значение для революционного перехода к социализму³.

Объективные возможности выбора существуют и в рамках прямого пути развития — как возможности различных форм реализации необходимости. Именно в формах осуществления необходимости заложено огромное богатство различных возможностей выбора, открывающих простор инициативе и творчеству масс. Поэтому В. И. Ленин неоднократно подчеркивал многообразие форм необходимого перехода различных стран к социализму. Конкретный анализ этих форм содержится в Программе КПСС, где научно обоснована объективная возможность мирного и немирного осуществления революционного перехода к социализму, установлена возможность и необходимость в ряде стран переходных ступеней в борьбе за диктатуру пролетариата, разнообразия форм политической организации общества при переходе к социализму⁴.

Так как выбор любой из этих возможностей, соответствующей тем или иным условиям, приводит к необходимому достижению социализма,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 9.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 74.

³ См. Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 346—347.

⁴ Там же, стр. 348—349.

то объективные возможности выбора являются здесь и объективными основаниями свободы. Свобода здесь заключается в целесообразном выборе формы осуществления необходимости, наиболее соответствующей объективным условиям развития. Оппортунистическая абсолютизация той или иной формы перехода к социализму фактически лишает выбора в этом переходе, подрывает активность масс в революционные периоды.

Современное общественное развитие раскрывает новые возможности необходимого выбора и свободы в сравнении с ранее установленными. Обнаруживается возможность миновать ранее необходимые фазы общественного прогресса. Речь идет об объективных возможностях некапиталистического развития отдельных стран. Воплощение необходимой тенденции к социализму в действительность, ее превращение в определяющий момент развития действительности прерывает постепенность необходимого ранее всеобщего распространения капитализма; появляется объективная возможность и необходимость выбора социалистического развития или близких к нему переходных форм, минуя стадию капитализма, изжившую себя как необходимость в целом.

До сих пор речь шла о выборе в рамках одной необходимости или между необходимостями разного порядка, одна из которых реализовалась в действительности, другая — существовала как тенденция, т. е. говорилось о выборе прогрессивного возможного в противоположность отживающему действительному. Теперь мы сталкиваемся с возможностью выбора между необходимостями, которые обе существуют лишь как тенденции. Свобода здесь заключается в реализации прогрессивной необходимой тенденции в противоположность необходимости, изжившей себя еще в возможности.

Ленинский анализ объективных возможностей выбора и свободы при необходимом осуществлении социализма чрезвычайно актуален в современный период истории, когда резко обостряется проблема выбора народами правильного пути развития. В сложных условиях современности неопределимое значение имеет обоснование марксистско-ленинскими партиями новых объективных возможностей выбора наиболее прогрессивного пути развития человечества — пути социализма и коммунизма. Выбор этот труден, путь этот нелегок, но только он гарантирует человечеству мир, демократию и прогресс.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА (По поводу определения, предложенного Я. Энгстом)

А. А. Мамалуй

Среди обширного круга вопросов, заключенного в проблеме прогресса, первостепенного внимания заслуживает вопрос об определении самой сути этого понятия. Имея в виду наиболее общее определение, можно утверждать, что в настоящее время прочно установившимся является то, согласно которому под прогрессом понимается закономерное восходящее развитие от низшего к высшему.

Однако это определение встретило возражение со стороны чехословацкого философа Ярослава Энгста. «Называя ту или иную стадию высшей по сравнению с предыдущей, — пишет он, — мы еще не определяем того, что указанная стадия является более прогрессивной. Из того, что нечто является в процессе развития высшим, не вытекает с необходимостью, что оно есть также более прогрессивное. Наоборот, вполне возможно, что более высокое в развитии может быть более низким с точки зрения прогресса. Если нечто развивается к высшему, это еще не означает, что оно развивается к лучшему»¹.

Вывод о несовпадении высшего и прогрессивного вполне естественен, если трактовать высшее так же, как это делает Я. Энгст. По его мнению, высшее по уровню своего развития — это то, что предполагает существование предыдущего², т. е. высшее он отождествляет с последующим, а низшее — с предшествующим. Такая интерпретация вполне возможна и, конечно, в этом случае прогрессивное не совпадает с высшим. Но такая интерпретация не является единственно возможной. Когда мы определяем прогресс как закономерное восходящее развитие от низшего к высшему, то имеем в виду совершенно иное толкование высшего. Мы понимаем тогда высшее как качественно более высокое, или как новое, более высокое качество. Понимаемое таким образом высшее не совпадает с последующим и совпадает с прогрессивным.

Не удовлетворенный пониманием прогресса как развития от низшего к высшему, Я. Энгст выдвигает свое определение. Цель настоящей статьи — критически рассмотреть его.

Первоначально Я. Энгст утверждает: «Под прогрессом можно понимать только такое развитие, высшая ступень которого является для определенного субъективного фактора одновременно более желательной, чем предыдущая ступень развития. Однако нельзя ограничиться таким определением понятия прогресса. Прогрессом можно назвать только такое развитие, в котором так или иначе участвует субъективный фактор, с точки зрения которого прогресс оценивается, но не развитие протекающее совершенно независимо и помимо данного субъек-

¹ Я. Энгст. Некоторые проблемы научной этики. ИЛ., М., 1960, стр. 213—214.

² См. там же, стр. 207, 213.

тивного фактора»¹. Иными словами, «...прогрессом можно считать только такое развитие, которое желательно для определенного субъективного фактора и в котором данный субъективный фактор непосредственно участвует»². С подобным определением прогресса нельзя согласиться.

Прежде всего, оно без всякого на то основания ограничивает прогресс лишь сферой общественной жизни. Что это так, не отрицает и сам Я. Энгст. «Поскольку в качестве субъективного фактора мы всегда считаем человека..., — пишет он, — то о прогрессе мы можем говорить только в том случае, когда имеем дело с человеком, следовательно, всегда только в области человеческого..., а не в жизни природы»³. Между тем не приходится особо доказывать то, ставшее уже неопровержимой истиной, положение материалистической диалектики, что прогрессивное развитие обнаруживается не только в обществе, но и в природе, что само возникновение общества есть результат прогрессивного естественного развития органического мира, существование которого в свою очередь стало возможным лишь вследствие действия тенденции к поступательному движению по восходящей линии в неорганической природе.

Абсолютизация различий между общественным развитием и развитием природы, абсолютное противопоставление человеческого общества природе так же ошибочно, как и перенесение закономерностей природы на развитие общества. Одной из общих закономерностей, присущих и природе, и обществу, но, разумеется, проявляющейся в них в специфических формах, является закономерность прогрессивного развития. В свете данных современной биологической науки восходящее, прогрессивное развитие всей живой природы представляется совершенно бесспорным⁴. В качестве одного из возможных направлений развития тенденция к прогрессивным изменениям имеет место также и в неорганическом мире⁵. «...Точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, — указывал Ф. Энгельс, — может быть приобретено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными»⁶.

Вопрос о применимости понятия «прогресс» к природе для марксистской науки в принципе не является дискуссионным. Я. Энгст не привел новых, да и вообще каких-либо аргументов против понимания прогресса как всеобщей категории, и поэтому его утверждение о неприменимости понятия прогресса вне области человеческого остается совершенно необоснованным. На самом же деле оно лишь свидетельствует об ошибочности предлагаемого Я. Энгстом определения категории «прогресс».

Но если даже исходить из того, что определение, представленное Я. Энгстом, призвано вскрыть смысл прогресса, осуществляющегося

¹ Я. Энгст. Указ. соч., стр. 216.

² Там же, стр. 217.

³ Там же, стр. 219. См. также стр. 222, 230.

⁴ См. Л. Ш. Давиташвили. Очерки по истории учения об эволюционном прогрессе. Изд-во АН СССР, М., 1956; К. М. Завадский. К пониманию прогресса в органической природе. «Проблемы развития в природе и обществе». Сб. ст., М., 1958; Е. Ф. Молевич. О прогрессивном развитии в живой природе. Ж. «Философские науки», 1963, № 2 и др.

⁵ См. С. Т. Мелюхин. Об особенностях развития в неорганической природе. «Проблемы развития в природе и обществе». Сб. ст., М., 1958; М. Н. Руткевич. Диалектический материализм. Гл. VII. Прогрессивное развитие и его закономерности. М., 1959; Л. Н. Коган, Е. Ф. Молевич. Прогресс и регресс. «Некоторые категории диалектики». Сб. ст., Росвузиздат, 1963 и др.

⁶ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, М., 1950, стр. 23.

только в общественном развитии, то и в этом случае оно не может быть признано удовлетворительным. Вызывает возражение в первую очередь стремление автора поставить определение прогресса в зависимость от желательности или нежелательности развития для определенного субъективного фактора, с точки зрения которого прогресс якобы должен оцениваться. Мы считаем, что марксистское понимание исторического прогресса не предполагает какой-либо оценки развития общества в плане его желательности или нежелательности для субъективного фактора. В этом отношении мы полностью согласны с румынским философом К. Боржеану, полагающим, что «вопрос о социальном прогрессе в принципе ставится так же, как и вопрос о прогрессе в природе, например, о биологическом развитии»¹. Это не значит, что определение прогресса в общественном развитии должно быть тождественным определению прогресса в живой природе. Это не значит также, что общественный прогресс не имеет своих специфических особенностей, в корне отличающих его от биологического прогресса. Это лишь означает, что понятие общественного прогресса не нуждается в морально-этической оценке² точно так же, как и понятие биологического прогресса.

Общественный прогресс совершается с объективной естественно-исторической необходимостью как закономерный результат сознательной человеческой деятельности, но независимый от воли и сознания людей. Марксизм, по В. И. Ленину, «рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения»³. Сам принцип рассмотрения общественного развития как естественно-исторического процесса указывает на необходимость исключения этического подхода. Когда же историческое развитие оценивается с точки зрения его желательности или нежелательности, то «не может быть и речи о том, чтобы смотреть на развитие общества как на естественно-исторический процесс»⁴. Поэтому «нельзя не признать... справедливости утверждения...», — писал В. И. Ленин, — что «в самом марксизме от начала до конца нет ни грана этики»: в отношении теоретическом — «этическую точку зрения» он подчиняет «принципу причинности»; в отношении практическом — он сводит ее к классовой борьбе»⁵. Категорически возражая русским народникам, которые подходили к истории общества с меркой желательности или нежелательности, соответствия или несоответствия развития «потребностям человеческой природы», В. И. Ленин указывал, что «основная идея Маркса о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций в корень подрывает эту ребячью мораль, претендующую на наименование социологии»⁶. «Все попытки, — справедливо отмечает исландский социалист Бриньольфур

¹ К. Боржеану. Научное понятие о прогрессе и его современные буржуазные критики. Ж. «Философские науки», 1959, № 3, стр. 20.

² Под морально-этической оценкой в данном случае понимается то же, что имеет в виду Я. Энгст, когда пишет: «Моральная оценка содержится в определении желаемых (разрядка наша — А. М.) общественных взаимоотношений людей и в установлении правил, необходимых для человеческой деятельности..., через которую проявляются общественные отношения». (Я. Энгст. Некоторые проблемы научной этики. М., 1960, стр. 25. Ср. стр. 136):

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 166.

⁴ Там же, стр. 134.

⁵ Там же, стр. 440—441.

⁶ Там же, стр. 134.

Бьярнасон, — понять историю с моральных позиций не дадут никаких результатов»¹.

Этическая оценка может иметь научный характер лишь при условии, что она вытекает из социологического анализа объективных закономерностей исторической действительности, а не предшествует ему. Это сознает и Я. Энгст, утверждая, что только на основе научного познания закономерностей развития общества возможно «прийти к научному определению этой (моральной — А. М.) цели и, таким образом, научно оценить с моральной точки зрения общественную жизнь в прошлом и настоящем»². Основная мысль всей работы Я. Энгста и состоит в том, чтобы показать, что «научное определение моральной цели может вытекать только из научного объяснения закономерного развития общества»³. Тем более неоправданным и непоследовательным выглядит в этом свете стремление перенести определение прогресса в плоскость этических принципов. Не социологическое понятие исторического прогресса исходит из этических критериев, а как раз наоборот, морально-этическая оценка должна основываться на социологическом анализе⁴. Этический критерий «желательное для (исторического) человечества»⁵ приобретает смысл в применении к истории лишь в том случае, если он сам опирается на научное понимание исторического прогресса.

Определяя прогресс как желательное для всего человечества, Я. Энгст по существу трактует желательное как соответствующее интересам, а не как соответствующее желаниям (то, чего желают), хотя первая трактовка имеет несколько иной оттенок, нежели вторая. Этим объясняется, отчего впоследствии Я. Энгст отходит от своей первоначальной формулировки определения прогресса и останавливается на следующей: «...Прогрессом можно обозначить только такое развитие, которое совершается в интересах (разрядка наша — А. М.) субъективного фактора и в котором субъективный фактор непосредственно участвует»⁶. Но и с этим определением нельзя согласиться.

Так как на протяжении значительного промежутка своей истории общество является неоднородным, то интересы и роль различных его составляющих далеко не одинаковы. К. Маркс прямо указывал, что «рассматривать общество как единый субъект значит рассматривать его неправильным образом — умозрительно»⁷. Это в полной мере относится и к понятию «человечество». В эпоху господства антагонистических формаций и даже в современную эпоху, когда с коммунистической формацией сосуществуют предшествующие ей, вплоть до полного торжества коммунизма на всей земле, было бы неправильно рассматривать человечество как единый, нерасчлененный субъект. Из неоднород-

¹ Бриньолфур Бьярнасон. Старые и новые проблемы. ИЛ., М., 1960, стр. 140.

² Я. Энгст. Указ. соч., стр. 204.

³ Там же, стр. 205.

⁴ Советский философ В. П. Тугаринов пишет по этому поводу: «...Реальным критерием отношения к моральным ценностям является полезность или вредность норм или отношений и соответственных им поступков или поведения для исторически объективных и прогрессивных целей общества или определенного класса. Поэтому марксистский моральный, ценностный, нормативный подход отнюдь нельзя противопоставлять научному, социологическому подходу, так как он основывается на этом последнем». (В. П. Тугаринов. О ценностях жизни и культуры. Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 111).

⁵ Историческое человечество — это, по мнению Я. Энгста, тот субъективный фактор, по отношению к которому можно оценить развитие общества как прогрессивное или непрогрессивное. (Я. Энгст. Указ. соч., стр. 228—229 и др.).

⁶ Я. Энгст. Указ. соч., стр. 218—219; см. также стр. 224, 247—248.

⁷ К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, М., 1950, стр. 205.

ности человечества, из несовпадения интересов различных частей человечества вытекает тот факт, что то, что соответствует интересам одной части человечества, противоречит интересам другой его части. Поэтому общечеловеческие интересы представляют класс, собственные интересы которого совпадают с объективным направлением исторического развития в сторону прогресса. И чтобы определить, какой же именно класс представляет во всякую данную эпоху интересы всего человечества (найти общечеловеческие интересы), необходимо знать объективные тенденции исторического развития, его восходящую и нисходящую линии для данного времени.

Кроме того, сами интересы людей не остаются неизменными, а со временем развиваются и прогрессируют, что является одним из выражений общественного прогресса. Ясно, что и поэтому понятие «прогресс» не может быть определено через категорию «интерес».

Вот почему, по нашему мнению, не понятие прогресса должно выводиться из соответствия или несоответствия развития интересам субъективного фактора (желательности или нежелательности развития для определенного субъективного фактора), а роль того или иного субъективного фактора должна определяться на основе соответствия или несоответствия интересов данного субъективного фактора объективному ходу и требованиям исторического прогресса. В связи с этим правильно, на наш взгляд, ставить вопрос о субъекте исторического прогресса не в плане сравнения хода объективного развития с интересами общества или человечества как единого субъекта, равно как и с интересами различных частей этого субъекта, а в плане выяснения роли различных частей этого субъекта в восходящем движении человечества, т. е. надо ставить вопрос не о «субъекте измерения» прогресса, а о носителях общественного прогресса.

Возражение Я. Энгста против определения прогресса как восходящего развития от низшего к высшему покоится на том известном обстоятельстве, что империализм, являющийся высшей стадией капиталистической формации, в то же время представляет собой нисходящую, регрессивную ветвь в ее развитии. На основании этого делается вывод, что высшее и прогрессивное могут не совпадать, а раз это так, то определение прогресса посредством низшего-высшего недостаточно. Попробуем разобраться в этом вопросе.

Как уже было сказано, под прогрессом в историческом материализме понимается не всякое изменение от низшего к высшему, а развитие от низшего в истории человечества к качественно более высокому. Объективным критерием, позволяющим научно определить более высокое качество в развитии общества в целом, служит способ производства материальной жизни, рассматриваемый в единстве его содержания и формы — производительных сил и производственных отношений. Выработка основоположниками марксизма категории способа производства сделала возможным открыть исторические типы обществ — общественно-экономические формации как необходимые качественные ступени в историческом развитии. Исторический прогресс как развитие общества в целом от низших качественных ступеней к высшим и заключается в переходе от одной общественно-экономической формации к другой, в основе которого лежит закономерная смена способов производства. Здесь высшее и регрессивное полностью совпадают. И этого не станет отрицать ни один марксист. «...Если брать развитие общества в целом, — пишет Я. Энгст, — мы придем к выводу, что высший этап в развитии действительно всегда прогрессивен по сравнению с преды-

душим...»¹. Но исторический (общественный, социальный) прогресс — это и есть прогресс общества в целом, общества как целостного социального организма, а не отдельной стороны или сферы общественной жизни. Следовательно, в этом отношении определение исторического прогресса как развития общества в целом от низшего к высшему не может встретить препятствия. «...Все общественные порядки, сменяющие друг друга в ходе истории, представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей»².

Более того, в отношении истории общества представляется позволительным утверждать о совпадении понятий развития и прогресса, но при условии — и это важно — что дело идет о переходе общества в целом от одного качественного состояния к другому. Лишь приняв эту существенную поправку, можно согласиться с Л. Н. Коганом и Е. Ф. Молевицем в том, что «...применительно к общественной жизни понятие развития становится тождественным понятию прогресса»³. Всемирная история в рамках развития общества в целом не знает регресса от качественно более высокой ступени к низшей: более высокая общественная формация не порождает низших и менее развитых формаций.

Однако, если говорить о развитии общества в пределах одного и того же качества, в условиях одной и той же общественно-экономической формации, то нельзя не увидеть, что более высокая качественная ступень в границах данного качества может быть выражением не прогресса, а регресса. На это и обращает внимание Я. Энгст. Тем не менее это не дает основания для пересмотра марксистского определения прогресса как развития от низшего к высшему. Дело в том, что монополистический капитализм, на примере которого Я. Энгст строит свое доказательство несовпадения высшего и прогрессивного, в действительности является высшей и одновременно нисходящей стадией капиталистической формации, но в этом плане он выступает в разных отношениях.

Как высшая стадия капиталистической формации империализм является результатом буржуазного прогресса. «...Ни один марксист не забудет, — указывал В. И. Ленин, — что капитализм прогрессивен по отношению к феодализму, а империализм по отношению к домонополистическому капитализму»⁴. Следовательно, и в этом случае, вопреки утверждению Я. Энгста, переход от низшего к высшему В. И. Ленин считал прогрессом.

Но ко времени возникновения монополистического капитализма буржуазный прогресс уже не совпадает с историческим прогрессом, т. е. прогрессом общества в целом. Империализм есть более высокая ступень в рамках целиком устаревшего качества, в рамках такого качества, которое уже вполне созрело для замены его новым — коммунистической формацией. В силу этого капитализм превратился в преграду на пути общечеловеческого прогресса. «Гигантский прогресс техники вообще, путей сообщения особенно, колоссальный рост капитала и банков, — отмечал В. И. Ленин, — сделали то, что капитализм созрел и перестал. Он пережил себя. Он стал реакционной задержкой человеческого развития»⁵. По общеизвестной ленинской характе-

¹ Я. Энгст. Указ. соч., стр. 214.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 275.

³ Л. Н. Коган и Е. Ф. Молевиц. Прогресс и регресс. «Некоторые категории диалектики», 1963, стр. 94.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 116.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 116.

ристике, эпоха империализма — это эпоха конца капитализма, эпоха его упадка и гибели. Империализм есть умирающий капитализм. И в этом отношении он выступает выражением не прогресса, а регресса.

В принципе исторический регресс может быть двух типов: 1) в виде возвращения отдельных народов к пройденным этапам общественного развития (результат контрреволюции и т. п.)¹ и 2) в виде нисходящего, хотя и высшего, этапа в развитии определенной качественной ступени социальной формы движения материи (определенной общественно-экономической формации), не повторяющего пройденные фазы, не возвращающегося к ним, а задерживающего возникновение новой общественной формации, которая есть новое, более высокое качество социальной формы движения материи. Первый — «элементарный», самый грубый тип регресса. Второй — гораздо сложнее. Он закономерен для всякой антагонистической формации и является необходимым следствием конфликта между растущими производительными силами и консервативными производственными отношениями, который еще не получил революционного разрешения благодаря возникновению нового способа производства.

Линия восходящего развития и смены способов производства — это основная магистраль общественного прогресса. Все остальные линии общественного развития можно признать прогрессивными лишь постольку, поскольку они совпадают с этой основной магистралью восходящего развития общества. Переход от свободной конкуренции к монополистическому капитализму, не будучи связан с возникновением нового способа производства, является формой проявления загнивания капиталистической формации. Он не только не совпадает с основной магистралью восходящего развития общества, но и самым непосредственным образом противодействует возникновению нового, более высокого коммунистического способа производства и именно поэтому служит выражением регресса в общественном развитии, превратившись «в величайшую преграду на пути общественного прогресса»².

Нам представляется, что вышесказанное отклоняет как возражения Я. Энгста относительно определения прогресса, так и его предложения. Никакой необходимости в пересмотре марксистского понимания прогресса как закономерного восходящего развития от низшего к высшему нет. Такое понимание является единственно научным, соответствующим объективной истине.

¹ Такое попятное движение не есть *полное* повторение пройденного пути в обратном порядке, так как процесс развития необратим.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1962, стр. 7.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ ПРАКТИКИ¹*Ю. Ф. Бухалов*

Понятие практики — одно из основных в диалектическом материализме. Научное определение и понимание этого понятия очень важно для решения многих философских вопросов и прежде всего гносеологических.

Классики марксизма-ленинизма настойчиво подчеркивали необходимость точного и ясного определения философских понятий, исходящего прежде всего из диалектико-материалистического решения основного вопроса философии. В соответствии с этим и определяются понятия материальной и духовной деятельности, практики и познания, их соотношение. Практика в понимании классиков марксизма-ленинизма есть общественно-историческая деятельность людей, преобразующая природу и общество, являющаяся основой процесса познания.

Практика есть взаимодействие объекта и субъекта, в процессе которого изменяется и объект, и субъект. Объектом практики выступает прежде всего природа. Точнее говоря, объектом практики на определенной ступени ее развития становятся те явления природы, которые вовлекаются в сферу практики. Но явления природы, вовлекаемые в практическую деятельность, представляют преобразуемые и преобразованные человеком явления. Таким образом, в качестве объекта практики выступает «очеловечиваемая» и «очеловеченная» природа. В качестве объекта практики выступают также люди и их общественные отношения. Субъектом практики является общество, а также определенная социальная группа и человек, как член общества. Общество (человек) выступает и как субъект и как объект практики, но в разных отношениях.

В практике субъект и объект взаимодействуют как материальные реальности. Поскольку субъект представляет собой особую материальную реальность, отличную от других, он может быть относительно выделен из материального мира. Во взаимодействии субъекта и объекта определяющим является объект, он обуславливает возможности собственного изменения в процессе практики и законы этого изменения. Но реализация этих возможностей и законов осуществляется в самой практической деятельности субъекта, которая происходит с участием сознания. Субъект может существовать как таковой, лишь изменяя объект. Субъект представляет активную, творческую сторону во взаимодействии с объектом; он, исходя из своих объективных потребностей, которые осознаются и выражаются в определенных целях, преобразует материальный мир (в соответствии с объективными законами).

¹ Статья публикуется в порядке обсуждения.

Практика, таким образом, выступает как определенное единство материального и духовного, объективного и субъективного, основой которого является материальное, объективное.

В нашей литературе встречаются различные определения практики. Не останавливаясь здесь на тех признаках, которые являются общими в этих определениях (практика как общественно-историческая, целесообразная, преобразующая деятельность людей), отметим, что одни авторы считают практику материальной деятельностью общества¹, а другие — рассматривают практику как всю общественную деятельность людей². При этом содержание понятия практики с этой стороны обычно по существу не анализируется, в лучшем случае перечисляются те формы деятельности людей, которые включаются в практику. Прежде всего речь идет о содержании понятия «материальная деятельность людей».

В настоящей статье на основе краткого рассмотрения различных форм практики автор пытается выяснить содержание этого понятия и соответственно уточнить содержание категории практики и ее понимание. В этом — главная цель статьи. Поэтому здесь не рассматриваются специально вопросы о соотношении материального и духовного, объективного и субъективного в практике, ее роль в процессе познания и в общественном развитии вообще, тем более, что эти вопросы совершенно невозможно рассмотреть в небольшой статье; они требуют специального и обстоятельного исследования.

Обратимся сначала к материальному производству как основной форме практики. Производственный процесс — это прежде всего материальное, предметное взаимодействие людей с природой, а также людей друг с другом, осуществляющих изменения, преобразования природы и общества. В этом процессе происходит и изменение самого человека, и его сознания. Труд, подчеркивал Ф. Энгельс, создал самого человека, он был главным стимулом формирования и развития сознания. Человек осознавал и обобщал то, что он сначала стихийно нащупывал в процессе труда. Мыслительные действия не возникают самостоятельно, сами по себе, они представляют собой не что иное, как пересаженные в человеческую голову и преобразованные в ней материальные действия. Вначале было дело. «Производство идей, представлений, сознания первоначально влечено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей является здесь еще непосредственным порождением (разрядка моя — Ю. Б.) материального отношения людей. То же самое относится и к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа»³.

Сознание как отражение объективного мира, возникая на основе материальной деятельности, оказывает активное обратное влияние на нее, благодаря чему последняя становится целенаправленной творческой деятельностью. Выступая как необходимый момент производственной и иной практики, сознание направляет и регулирует ее. В этом

¹ См., например, Практика — критерий истины в науке, М., 1960, стр. 16—23 и др.; И. Т. Якушевский. Практика и ее роль в процессе познания, М., 1961, стр. 12, 15 и др.; Основы марксистской философии, М., 1963, стр. 289 и т. д. Автор этой статьи в своих прежних работах также стоял на такой точке зрения.

² См., например, журнал «В помощь политическому самообразованию», № 1, 1958, стр. 46—47; «Диалектический материализм» под редакцией А. Д. Макарова и др., М., 1960, стр. 306; И. Д. Андреев. Основы теории познания, М., 1959, стр. 121 и т. д.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 24.

проявляется субъективная сторона практики. Но вместе с тем практическая деятельность является объективным процессом.

Материальное производство включает в себя производительные силы, т. е. отношения людей к явлениям природы, используемые для производства материальных благ, и производственные отношения, т. е. отношения людей друг к другу в процессе производства. Начнем с рассмотрения первых.

Эти отношения складываются вне и независимо от сознания людей. Их независимость от сознания проявляется, во-первых, в том, что в процессе развития трудовой деятельности сначала возникают определенные отношения людей к явлениям природы, а потом происходит осознание этих отношений как собственно практических отношений. Когда человек в своей материальной деятельности сталкивается с каким-то новым, неизвестным ему явлением природы, он сразу не осознает, конечно, роль этого явления в своей жизни, не ставит определенной цели изменения его. Сознание — это прежде всего познание, знание. Чтобы целесообразно воздействовать на какое-то явление природы и изменить его в соответствии со своими потребностями, человек должен знать хотя бы некоторые его свойства. Знание же это приобретает в процессе взаимодействия человека с данным явлением. Когда, например, в сферу материальной деятельности людей впервые попал металл, то люди в значительной степени стихийно, наощупь выясняли его свойства. И лишь на основе многократного воспроизведения этих действий люди начали осознавать свое практическое отношение к металлу, ставить определенные цели в его использовании и изменении. Сознание есть не что иное, как осознание существующей практики, замечают К. Маркс и Ф. Энгельс, имея в виду здесь под практикой производственную деятельность¹.

В тех случаях, когда люди заранее ставят своей целью определенное изменение каких-либо явлений природы или создание таких явлений, которых в самой природе нет, то эта цель складывается на основе логического обобщения тех отношений, какие в свое время возникли из стихийных материальных действий. Конечно, с развитием общества таких случаев становится все больше и больше, они, точнее говоря, все в большей степени перестают быть «случаями» и становятся проявлениями необходимости в развитии практики и познания. Но тем не менее это не изменяет того факта, что осознание определенных практических отношений в конечном итоге производно от самих отношений. Правда, эта зависимость скрадывается тем, что каждому новому поколению не приходится непосредственно вновь познавать явления, входящие в сферу его трудовой деятельности; познание этих явлений происходит главным образом на основе предшествующей практики и полученных из нее данных и передается из поколения в поколение.

Отношения людей к явлениям природы в процессе производства независимы от сознания и в другом аспекте. Эти отношения, т. е. взаимодействие людей с явлениями природы в процессе производства, определяются не сознанием, а объективными, независимыми от сознания, свойствами взаимодействующих материальных явлений (явлений природы, материальных средств воздействия: орудий труда, приборов и т. д. и людей). Само это воздействие осуществляется по определенным объективным законам, не зависящим от сознания. Роль сознания здесь проявляется в том, что оно как активное, творческое отражение действительности, предварительно идеально воспроизводит материальное преобразование явлений природы, выбирая различные возможности исполь-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 30.

зования объективных свойств, законов этих явлений, и соответствующим образом направляет и регулирует трудовую деятельность людей. Но сознание не может, конечно, по своему произволу создавать возможности, ибо они существуют в явлениях природы независимо от сознания и реализуются по определенным объективным законам. Труд есть сознательная, целенаправленная деятельность. Но направляющая и регулирующая роль сознания здесь жестко ограничена определенными объективными законами. Отклонения от этих законов, т. е. действия, противоречащие им, делают невозможным осуществление трудового процесса. Сознание лишь в той мере может направлять и регулировать трудовую деятельность, в какой оно более или менее верно отражает объективные свойства явлений природы и человека, возможность объективного изменения (и использования) этих свойств.

Таким образом, сознание выступает вторичным, производным по отношению к объективным законам трудовой деятельности; последние определяют развитие сознания и возможности его влияния на производство.

Рассмотрим теперь вторую сторону способа производства — производственные отношения. В нашей литературе, характеризуя материальность производственных отношений, обычно исходят из того, что материальные отношения, в отличие от идеологических, складываются, не проходя предварительно через сознание людей, не осознаваясь ими. Но это верно только применительно к досоциалистическим производственным отношениям. Действительно, здесь сначала, вне и независимо от сознания, возникают определенные производственные отношения, а потом происходит осознание этих отношений. Так, например, в процессе становления человеческого общества стихийно складывается общинная собственность, а затем она начинает в какой-то степени осознаваться как общественное отношение. Дальнейшее развитие производительных сил приводит к возникновению классов, что лишь потом начинает осознаваться людьми. Так же стихийно складываются и капиталистические производственные отношения.

Это, конечно, не означает, что сознание не участвует в процессе формирования тех или иных производственных отношений. Но люди, действуя в производстве как сознательные существа, сознательно улучшая орудия производства, обмениваясь продуктами труда, не сознают при этом, что их деятельность ведет к определенному изменению системы производственных отношений, не понимают характера и законов этих изменений. Так происходит и тогда, когда деятельность людей непосредственно изменяет производственные отношения, например, когда рабовладельцы переводили рабов на положение колонов, или помещики переводили крестьян на оброк. И в том и в другом случаях цель деятельности людей нисколько не включала изменения системы производственных отношений и обычно ограничивалась непосредственными, ближайшими личными интересами.

«Вступая в общение, — писал В. И. Ленин, — люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — не сознают того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена»¹. В другом месте В. И. Ленин отмечает, что «...обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отно-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 309.

шения, даже не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение»¹.

Но и тогда, когда люди осознают производственные отношения, последние тем не менее остаются объективными, независимыми от сознания. Производственные отношения объективны прежде всего потому, что их возникновение определяется не сознанием людей, а характером и уровнем развития производительных сил общества. В процессе производства сначала изменяются производительные силы, а потом, в зависимости от этих изменений и в соответствии с ними, изменяются производственные отношения. Новые производственные отношения возникают тогда, когда существующие производственные отношения становятся тормозом в развитии производительных сил. Люди могут сознательно изменять производственные отношения лишь на основе объективных экономических законов и в той мере, в какой их деятельность соответствует этим законам.

Особенности возникновения социалистических производственных отношений не меняют их объективного характера. Как показывает исторический опыт, социалистические производственные отношения, в отличие от всех предшествующих, возникают и развиваются не стихийно, а в результате сознательной творческой деятельности народных масс, руководимых Коммунистической партией. Однако в нашей литературе, когда рассматривают этот процесс, зачастую вольно или невольно не замечают того, что указанная особенность возникновения социалистических производственных отношений в том и состоит, что они складываются, проходя предварительно через сознание людей².

Социалистические производственные отношения, хотя и складываются не стихийно, а проходя через сознание людей, тем не менее остаются, конечно, материальными, объективными. Здесь дело обстоит примерно так, как и в трудовой деятельности людей. Из того, что отношения людей к явлениям природы в трудовой деятельности предварительно проходят через сознание, осознаются, никак не следует, что эти отношения определяются сознанием. Производственные отношения являются материальными независимо от того, осознаются они или не осознаются.

Процесс развития социалистических производственных отношений представляет объективный процесс сознательной деятельности людей. Материальность производственных отношений, в том числе и социалистических, состоит в том, что их возникновение и развитие определяется не сознанием, а объективными, от сознания не зависящими, экономическими законами. Сознание людей опосредует этот процесс. Социалистические производственные отношения вызываются к жизни определенной объективной необходимостью. Осознание людьми этой необходимости нисколько не лишает ее объективного характера. Необходимость эта не перестает быть объективной, независимой от сознания, тогда, когда она осознается, хотя и может, в зависимости от сознания, осуществляться в несколько различных формах, различными темпами и т. д.

Сознание и здесь является вторичным, отражением потребностей развития материального производства, но отражением научным, способным предвидеть дальнейшее развитие производства и в соответствии с этим направлять деятельность социалистического общества. Созна-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 122—123.

² На это совершенно верно указывают И. И. Камынин, М. Я. Ковальзон («Вопросы философии», № 1, 1962, стр. 88—90), а также В. Н. Черковец («Вопросы философии», № 7, 1964, стр. 5—6).

ние может играть направляющую роль в возникновении и развитии социалистических производственных отношений лишь тогда, когда оно верно отражает объективные законы развития производства, и это еще раз свидетельствует о вторичности, производности сознания.

Если же сознание, направляющее деятельность людей в создании и развитии социалистических производственных отношений, неверно отражает потребности производства, то объективные экономические законы так или иначе пробивают себе дорогу, вынуждают тем самым общество считаться с объективной необходимостью, изменять соответствующим образом свои экономические и политические теории. Сознательное руководство развитием материального производства при социализме и в связи с этим громадное возрастание роли сознательности в обществе вовсе не означает, что сознание становится первичным и определяющим в общественном развитии.

Рассматривая основную форму практики — производственную деятельность, следует подчеркнуть три важнейшие стороны, черты ее как материальной деятельности.

Во-первых, производственная деятельность — это происходящее вне сознания¹ материальное (телесное, как нередко говорил К. Маркс) взаимодействие людей и явлений природы, а также людей друг с другом, это такая материальная деятельность, которая обеспечивает само существование людей. Материальное производство обусловило возникновение человеческого общества, оно составляет основное и непереносимое условие его жизни. Люди «начинают отличать себя от животных, как только начинают п р о и з в о д и т ь необходимые им средства к жизни, — шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самое свою материальную жизнь. Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни, зависит прежде всего от свойства самих этих средств, находящихся ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению»².

Во-вторых, материальная производственная деятельность выступает в гносеологическом аспекте первичной и определяющей по отношению к сознанию и, следовательно, независимой от сознания. Основная форма деятельности людей, подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, — «конечно, материальная деятельность, от которой зависит всякая иная деятельность: умственная, политическая, религиозная и т. д.»³.

В-третьих, производственная деятельность не только генетически, но и актуально, на любой ступени ее развития, является процессом, определяемым непосредственно объективными законами, и в этом смысле — независимым от сознания.

Все эти существенные стороны производственной практики как материальной деятельности представляют, конечно, органическое единство и могут быть выделены лишь в теоретическом рассмотрении.

Практика, кроме материального производства, включает в себя естественно-научный эксперимент, политическую деятельность и деятельность в области других идеологических отношений⁴, а также дея-

¹ Выражение «вне сознания» употребляется здесь и дальше в тексте не в том смысле, что практическая деятельность происходит без участия сознания, а в том, что эта деятельность проявляется вне сферы самого сознания, в реальном изменении природы и общества.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 19.

³ Там же, стр. 71.

⁴ Нередко относят к практике политическую деятельность, из первой исключают деятельность в области других идеологических отношений: религиозных, правовых, моральных, эстетических, игнорируя то, что политические отношения (и деятельность в области этих отношений) в гносеологическом смысле принципиально не отличаются от других идеологических отношений.

тельность в области семейных и вообще бытовых отношений. Во всех формах практики участвует, конечно, биологическая деятельность (например, мышечная) как необходимая сторона ее.

Рассмотрим вкратце эти формы практики. Вообще говоря, естественно-научный эксперимент, как форма практики, представляет собой определенную материальную деятельность людей, направляемую сознанием. Исторически он вырастает из развития самого производства. Но в отличие от отношений к явлениям природы в материальном производстве, которые первоначально складываются в значительной степени стихийно, в научном эксперименте теоретическое отношение к этим явлениям предшествует практическому изменению последних. Поэтому материальная деятельность в процессе самого научного эксперимента гносеологически не является первичной по отношению к сознанию, как это имеет место в трудовом процессе. Но вместе с тем она является материальной деятельностью в двух остальных, указанных выше по отношению к производству, сторонах, чертах. Производственная деятельность, конечно, отличается от эксперимента по той роли, которую она играет в общественном развитии. С другой стороны, эксперимент играет особую роль в познании, он является специфическим средством и методом научного исследования, в нем проявляется непосредственное единство практической деятельности и теоретической (именно теоретической, а не вообще сознательной деятельности).

Научный эксперимент существенно отличается от наблюдения. В эксперименте человек выступает как активное начало, поскольку он сознательно в соответствии с определенной целью изменяет так или иначе явление, воспроизводит его в специально созданных условиях. При наблюдении человек выступает скорее как нечто пассивное по отношению к изучаемому явлению, поскольку он в процессе наблюдения не изменяет само явление, его связи с другими явлениями. Зачастую научное наблюдение производится именно в процессе эксперимента, и в этой связи его можно считать моментом практики. Если же рассматривать «чистое» наблюдение, например, астрономическое, то вряд ли есть основание относить его к практике, по своему характеру оно принципиально не отличается от обычного чувственного восприятия, хотя и осуществляется через специальные средства наблюдения.

Перейдем теперь к политической деятельности и деятельности в других областях идеологических отношений. Политика включает в себя отношения между классами, нациями, государствами, деятельность государства, политических партий и т. п. Политические отношения возникают на основе экономических и в зависимости от осознания последних. Экономические отношения класса, общества проявляются прежде всего как интересы. Эти интересы отражаются в политических взглядах и идеях, которые непосредственно и направляют политическую деятельность. Политические отношения в гносеологическом смысле не являются материальными, а представляют идеологические отношения¹, производные от первых и складывающиеся в зависимости от сознания.

Но это, конечно, не означает, что политическая деятельность есть только духовная, идеологическая деятельность. Суть политической деятельности не в изменении политических взглядов и идей, а в непосредственном изменении социально-политического строя общества, общественных отношений. Известно, что идеи сами по себе не могут изменять общество. «Идеи вообще ничего не могут осуществить. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить прак-

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 122, 134.

тическую силу»¹. Деятельность людей в области политики, — а это прежде всего деятельность больших масс, народов, классов, — и является такой практической силой, она представляет средство практического изменения общественных отношений. Так, классовая борьба, национально-освободительное движение, борьба народов за мир — это не столько духовная, сколько практическая деятельность, изменяющая общество. Политическая деятельность осуществляется главным образом через различные организации (государство, политические партии и т. п.) и результаты ее — изменение общественных отношений — проявляются, главным образом, в изменении этих организаций и их деятельности.

Деятельность в области других идеологических отношений также не является только духовной деятельностью, происходящей в самом сознании, внутри него. Она осуществляется в зависимости от сознания, но вне его и проявляется в определенных социальных действиях людей. Например, деятельность в области религии не сводится только к религиозным проповедям, она включает в себя различные обряды, праздники и т. д., выражается в определенной деятельности по отношению к государству, политическим партиям, науке, искусству. Религиозная деятельность способна изменять политические и другие идеологические отношения. Правовые, моральные отношения складываются в соответствии с определенными взглядами, но вместе с тем они существуют как реальные отношения, вне сознания и регулируют деятельность людей в различных областях жизни.

Политические и другие идеологические отношения существуют как реальные общественные отношения, а не только как отражение последних в сознании. Это не отношения между идеями, а отношения между людьми в соответствии с определенными идеями. Поскольку деятельность людей в области идеологических отношений изменяет, преобразует эти отношения (а не только представления о них), постольку она выступает как форма практической деятельности. Идеологические отношения проявляются в реальных взаимосвязях людей, как определенных материальных существ, в их материальных действиях, поступках. В этом, так сказать, онтологическом смысле практическая деятельность в области идеологических отношений имеет материальный характер.

Практическая деятельность в области идеологических отношений, так же как и практическая деятельность в области материальных отношений, представляет объективно обусловленный процесс. Но если развитие материального производства объективно обусловлено, так сказать, внутренне, т. е. определенной взаимосвязью его сторон, то политическая и иная практическая деятельность в области идеологических отношений объективно обуславливается не сама собой, а материальными, прежде всего экономическими отношениями, да и то в конечном счете. В этом одно из существенных отличий практической деятельности в области материальных отношений от практической деятельности в области идеологических отношений.

Политическая деятельность главным образом непосредственно объективно обусловлена экономическими потребностями общества, экономическими интересами класса, а также соотношением социальных сил внутри страны и в других странах. Конечно, отражение экономических потребностей и интересов в политических взглядах и соответственно в политической деятельности во многом зависит от различных субъективных факторов, в том числе от других форм надстройки и общественного сознания. Возможности влияния сознания на политическую деятельность значительно шире, нежели на экономические отношения. На

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 132.

пример, пролетариат в современном капиталистическом обществе может на основе знания марксизма-ленинизма хорошо понимать сущность капиталистических производственных отношений, но он вынужден вступать именно в такие отношения с капиталистами и ни в какие другие; это определяется его объективным положением в производстве и не зависит от его сознания. Вместе с тем политическая деятельность пролетариата, хотя и обуславливается экономическими интересами, существенно зависит от его сознания, от осознания этих экономических интересов.

Иначе говоря, политическая деятельность класса, партии, государства обладает относительной самостоятельностью по отношению к экономическим потребностям и интересам. Поэтому при одних и тех же объективных экономических условиях политическая деятельность может быть несколько различной. Однако самостоятельность политической деятельности является относительной, в конечном счете она определяется объективными экономическими условиями, которые и определяют ее основную тенденцию. Отклонения от этой тенденции являются именно отклонениями, история так или иначе исправляет их соответственно объективной закономерности.

Практическая деятельность в других областях идеологических отношений также в конечном счете определяется экономическими условиями. Но здесь зависимость от этих условий проявляется главным образом не прямо, а опосредствуется прежде всего политической деятельностью, а также взаимодействием других форм надстройки и общественного сознания. Относительная самостоятельность здесь более значительна, и субъективные факторы играют большую роль, чем в политической деятельности.

Таким образом, деятельность в области идеологических отношений выступает как форма общественной практики постольку, поскольку она происходит вне сознания, производит реальные непосредственные изменения в общественной жизни (а не только в сознании как отражении последней) и осуществляется в конечном итоге по определенным объективным законам, независимым от сознания.

Практическая деятельность в области материальных отношений первична по отношению ко всем остальным формам деятельности людей, она является в гносеологическом смысле материальной, независимой от сознания. Люди необходимо вступают в определенные материальные отношения к явлениям природы и друг с другом, чтобы существовать, производить средства к жизни. Эта необходимость не зависит от сознания людей.

Практическая деятельность в области идеологических отношений не является материальной в гносеологическом смысле. Идеологические отношения не только производны от материальных, они зависят от сознания, хотя эта зависимость, конечно, не означает отрицания объективной обусловленности идеологических отношений и практической деятельности в этой области.

В связи с этим нельзя безоговорочно согласиться с определением практики только как материальной деятельности, хотя оно кажется на первый взгляд весьма привлекательным и четким. Определяя таким образом практику, в нее всегда включают политическую деятельность и тем самым, вольно или невольно, смешивают понятие «материальное» в гносеологическом и в онтологическом смысле. Последнее часто приводит к различным недоразумениям. Так, говорят, например, о государстве как материальной силе, не разъясняя, что имеется в виду под мате-

риальным. Видимо, в этом смешении — одна из причин возникновения так называемого «расширительного» понимания общественного бытия, о чем речь пойдет несколько позже.

В практику входит также деятельность людей в области семейных и вообще бытовых отношений. Эти отношения представляют собою определенную совокупность материальных и идеологических отношений. Практическая деятельность в области материальных бытовых отношений (семейно-биологических, хозяйственно-потребительских) по своему характеру принципиально не отличается от производственной деятельности. Практическая деятельность в области идеологических бытовых отношений (воспитание детей, организация отдыха и т. д.) подобна деятельности в области идеологических отношений вообще.

В практику входит, таким образом, деятельность людей в области материальных и идеологических отношений, т. е. входит вся реальная жизнь общества (в отличие от отражения этой реальной жизни в сознании).

Поскольку практика осуществляется при участии сознания, постольку деятельность самого сознания, духовная деятельность выступает как необходимый момент, сторона практики. Но деятельность сознания, включенная в практику, направляя и регулируя ее, не является собственно говоря чисто духовной деятельностью, она выступает именно как сторона, момент практической деятельности.

Вместе с тем духовная деятельность может существовать и существует и тогда, когда она в практике непосредственно не участвует. Собственная сфера духовной деятельности как относительно самостоятельной формы деятельности людей — это сфера самого сознания.

Духовная деятельность как таковая не выходит за рамки сознания, осуществляется в самом сознании. Основная функция духовной деятельности как особой, отличной от других, форм человеческой деятельности — это изменения в области самого сознания, создание идей, теорий, образов, одним словом, духовных ценностей.

Люди действуют здесь не с материальными объектами и их реальными отношениями, а с идеальными отражениями их, которые, кстати сказать, с помощью некоторых материальных действий облачаются в определенную материальную оболочку: слова, знаки и т. д., ибо вне последней они лишены реального существования, общественного значения и недоступны другим людям. Сама по себе духовная деятельность не изменяет ни природу, ни общество. Она может выступать и выступает средством изменения внешнего мира лишь воплощаясь в практической деятельности. Материальные действия людей, занятых в области духовной деятельности (движения руки ученого или писателя, пишущих книгу, действия актера, музыканта и т. д.) являются не средствами изменения действительности, а лишь средством создания духовных ценностей.

Основным в практической деятельности, определяющим эту деятельность как практическую, в отличие от теоретической, является именно то, что практическая деятельность, как деятельность вне сознания, осуществляет реальные изменения в природе и обществе. Поэтому не следует определять практику как совокупность всех форм человеческой деятельности, включая тем самым в нее полностью и духовную, познавательную деятельность. При таком определении практики стирается различие между нею и познавательной, в частности теоретической деятельностью, лишается смысла вопрос о соотношении практики и познания, теории. Подобные определения практики по существу мало чем отличаются от позитивистских и прагматических определений.

В связи с рассмотрением форм практики хотелось бы затронуть и вопрос о содержании понятия «общественное бытие». В нашей литературе существуют различные точки зрения по этому вопросу. Так, В. П. Тугаринов считает, что «под общественным бытием следует разуметь всю реальную практическую жизнь и деятельность людей», относя сюда производственную и общественную деятельность (за исключением художественной и теоретической деятельности)¹.

Такое «расширительное» понимание общественного бытия нельзя признать правильным. Здесь упускается главный критерий определения общественного бытия — гносеологический. Обоснованно критикуя В. П. Тугаринова, Г. Е. Глезерман², а также В. Т. Келле и М. Я. Ковальзон³, верно указывали, что при определении общественного бытия нужно исходить не из вопроса о том, что и как влияет на общественное сознание, а из вопроса о том, что является первичным и определяющим по отношению к общественному сознанию, первичным и определяющим во всем процессе общественного развития.

Но Г. Е. Глезерман, а также В. Т. Келле и М. Я. Ковальзон не провели последовательно этот исходный гносеологический принцип, включая в общественное бытие наряду с материальным производством материальные семейные и бытовые отношения.

Дело в том, что последние, являясь первичными по отношению к сознанию, тем не менее не определяют его. Они, а также родовые отношения, сами обуславливаются производственными отношениями, как это замечательно показал Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». В. И. Ленин подчеркивал, что из всей совокупности общественных отношений марксизм выделил именно производственные как основные, первоначальные, определяющие собой все остальные отношения⁴.

Сознание вообще возникает как отражение деятельности людей прежде всего в области материального производства, из потребностей самого производства, а не из родовых и семейных отношений. Первоначальные формы общественного сознания, в особенности научная, эстетическая, религиозная, а также нравственная сложились и развивались прежде всего на основе производственной деятельности людей, а не родовой и семейной. Это тем более относится к политической и правовой формам сознания. Определяющую роль в развитии общественного сознания в целом играли и играют именно производственные отношения, а не родовые, семейные и бытовые.

Исходя из всех этих соображений, к общественному бытию, видимо, следует отнести те материальные отношения, которые являются не только первичными, но и определяющими по отношению к сознанию и ко всем другим формам деятельности людей, т. е. материальное производство. Об этом по существу говорит К. Маркс в своем знаменитом «Предисловии к «Критике политической экономии»: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»⁵.

¹ «Вопросы философии», № 1, 1958, стр. 21. См. также «Вестник Ленинградского университета», № 5, серия экономики, философии и права, вып. I, 1959, стр. 44 и др.

² «Вопросы философии», № 5, 1958.

³ «Вестник Московского университета», серия экономики, философии, права, № 4, 1959.

⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 120.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

В. И. ЛЕНИН О СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СУЩНОСТИ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ КОРНЕЙ ИДЕАЛИЗМА

В. Н. Вельцман

Усиление эффективности наступательной борьбы против буржуазной идеологии предполагает не только критику ее выводов и принципов, но и глубоко аргументированное разоблачение социальной и гносеологической природы их теоретической основы — идеалистической философии. И это особенно важно теперь, когда наша партия придает первостепенное значение формированию научного мировоззрения у всех тружеников советского общества и когда борьба коммунистической и буржуазной идеологий на международной арене достигла исключительной остроты. «Идеологический фронт, — подчеркивается в Постановлении июньского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС, — один из важнейших в борьбе за победу коммунизма»¹.

Научная методология критики идеализма разработана К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным. Классики марксизма-ленинизма указывают, что определяющим фактором возникновения и существования идеализма являются его социальные (классовые) корни.

Но у идеализма есть и гносеологические корни. Они, как следует из анализа указаний В. И. Ленина, представляют собой процесс реализации возможности идеализма, определяемый, вызываемый его социальными (классовыми) корнями и протекающий в результате их действия. Сущностью этого процесса является метафизический, субъективистский подход к объекту.

В этой статье на основании положений В. И. Ленина о социальных (классовых) и гносеологических корнях идеализма, взаимодействие которых представляет собой причину возникновения и существования этого антинаучного мировоззрения, рассматриваются социальные условия появления метафизичности и субъективизма в процессе отражения действительности.

* * *

Историческая обстановка, в которой происходит познание, состоит из условий, складывающихся в результате проявления познавательных способностей человека, и из условий, складывающихся в результате действия на субъект внешней среды — природы и, главным образом, общества.

Положения В. И. Ленина о гносеологических корнях идеализма показывают, что содержанием внутренних условий познания, делающих возможным появление метафизичности и субъективизма, является про-

¹ Об очередных задачах идеологической работы партии. Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу секретаря ЦК КПСС товарища Л. Ф. Ильичева, принятое 21 июня 1963 г. Госполитиздат, 1963, стр. 6.

процесс формирования нового знания, переход от одного познавательного образа к другому. Создание познавательных образов представляет собой сущность познания. Это именно тот противоречивый процесс снятия слепка с вещи, который в силу своей диалектической раздвоенности включает в себя, как указывает В. И. Ленин, возможность превращения понятия в фантазию¹.

Но нарушение объективности рассмотрения объекта, необходимо обуславливаясь факторами внутренней логики познания, не возникает именно в силу их проявления. Очевидно, что противоречия, вызываемые движением знаний, могут быть разрешены и объективно, и субъективно — в зависимости от гносеологической позиции субъекта.

Подход субъекта к объекту формируется под действием явлений природной и социальной среды, обуславливающих процесс отражения. Природная среда не является определяющей в системе этой обусловленности, т. к. ее действие на познание всегда опосредствуется практикой и уже сложившимися знаниями, т. е. факторами, имеющими социальную природу и значимость. Характер действия природных условий на познание сам зависит от социальной обстановки, в которой оно осуществляется.

Отношение субъекта к объекту определяют социальные условия.

«Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не наоборот, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения *общественного* сознания из *общественного бытия*»², — писал В. И. Ленин.

Познание по своей природе является продуктом общественной жизни, сформировавшимся на основе биологических данных человека. И осуществляется оно не абстрактным субъектом, а обществом, классами, отдельным человеком в конкретно-исторических условиях. Социальная среда, в которой происходит познание, необходимо преломляется в сознании субъекта, обуславливая его сущность и особенности, и оказывает определяющее влияние на ход и результаты познавательной деятельности.

К. Маркс писал, что мыслительная деятельность индивида есть общественная деятельность. Человек повторяет в своем мышлении свое реальное бытие, его сознание, указывает К. Маркс, является теоретической формой реальных общественных отношений, а деятельность его сознания — его теоретическим бытием, как общественного существа³.

Практика является источником и основой познания. Интересы и потребности субъекта, возникающие на основе его практики, его бытия, играют регулирующую роль и в определении предметов, включаемых в сферу познания, и в определении подхода к ним в процессе исследования. «Если рассматривать отношение субъекта к объекту в логике, то надо взять во внимание и общие посылки бытия *конкретного* субъекта (= *жизнь человека*), в объективной обстановке»⁴, — подчеркивает В. И. Ленин.

Естественно, поэтому, что различное общественное положение субъектов, определяемое прежде всего их отношением к орудиям и средствам производства, обуславливает возникновение различных по своему социальному и гносеологическому содержанию идей. «...Источником

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 330.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 55—56.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, Госполитиздат, М., 1956, стр. 590—591.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 184.

противоречивых стремлений является различие в положении и условиях жизни тех *классов*, на которые каждое общество распадается»¹.

На познание оказывает влияние не только классовое положение субъекта, а вся совокупность явлений конкретно-исторической обстановки. И каждое явление, социально обуславливающее познание в эксплуататорском обществе, обязательно имеет классовую значимость: по своему содержанию и характеру действия на субъект оно выражает интерес определенного класса (классов) или соответствует ему. Это и создает возможность возникновения и существования различных гносеологических принципов.

Определяющим в совокупности социальных явлений, которые обуславливают различные по своему гносеологическому значению идеи, является деление общества на классы с антагонистическими противоречиями. Философия в таком обществе всегда партийна. За борьбой партий в философии В. И. Ленин учит видеть тенденции и идеологию враждебных классов.

Диалектико-материалистическая позиция выдвигает философа в идеологи передсвых общественных сил, ибо она отвечает их революционным интересам и стремлениям. В. И. Ленин, подчеркивая последовательную революционность марксизма, пишет, что он объявлял беспощадную борьбу социальному гнету. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суевением, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета»².

В отличие от диалектического материализма, философский идеализм связан с классовыми интересами эксплуататоров, поэтому от его представителей нельзя ожидать объективности и прежде всего в вопросах методологии познания. Именно этим и объясняется тот факт, что реакция так злобно выступает против марксистской философии, дающей единственно истинный метод исследования и преобразования действительности. Уделом философского идеализма и базирующейся на его основе идеологии буржуазии всегда было и остается паразитирование на отдельных сторонах истины, искажение ее, спекулятивное использование для защиты эксплуатации.

Именно наличие в обществе интересов эксплуататорских классов, стремящихся к сохранению своего бытия и поэтому боящихся последовательно научного исследования действительности, обуславливает возникновение метафизических, субъективистских искажений познания.

Однако это не означает, что интересы реакционных классов во всех случаях требуют только искаженного отражения действительности, и поэтому стоящие на их позициях могут отражать и отражают ее лишь таким образом. Существование реакционных классов было бы невысказимо, если бы выразители их интересов не имели определенных достоверных знаний. Естественно, эти знания используются субъективистски, в узкокорыстных целях, а те из них, которые могут подрывать господствующее положение эксплуататоров, скрываются от трудящихся или преподносятся им в искаженном виде. Знание этого важно для критики идеалистов, особенно из числа буржуазных ученых.

В. И. Ленин учит, что необходимо решительно разоблачать и отсекаать эксплуататорское существо мировоззренческих принципов таких ученых и выделять положительное в рамках их специальных исследований³. Непримиримая борьба против идеализма не означает нигили-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 43.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 363—364.

стического отрицания определенных фактических достижений буржуазных ученых. Однако объективность этих достижений не должна заслонять субъективистскую сущность философской позиции их авторов.

В вопросах мировоззрения отживающие классы и их идеологи всегда стоят на реакционных позициях и стремятся как можно шире распространить свое идейное влияние, чтобы сохранить за собой роль гносеологического «законодателя» и не дать возможности народным массам овладеть объективным методом исследования истины. Если реакционные классы в своих узких интересах и допускают научные исследования в конкретных областях познания, то в объяснении наиболее общих законов действительности, в вопросах методологии исследования они боятся объективности и всегда пытаются как можно сильнее пропитать мировоззрение духом фидеизма. В. И. Ленин, отмечая эту тенденцию, писал: «Мы вам отдадим науку, гг. естествоиспытатели, отдайте нам гносеологию, философию, — таково условие сожительства теологов и профессоров в «передовых» капиталистических странах»¹.

В отличие от марксистского понимания социальной и гносеологической природы философии идеалисты отрицают факт определяющей обусловленности философских идей отражаемой действительностью и обстановкой, в которой происходит отражение. Стремление идеалистов выдать свои системы и особенно их гносеологические принципы за совершенно независимые от социальных условий конструкции разума² — это тщетные попытки «доказать» гносеологическую правомерность идеализма и под личиной беспартийности скрыть классовую тенденциозность своих выводов и в то же время обвинить марксизм в субъективизме на том основании, что он открыто провозглашает свою партийность и всегда защищает интересы рабочего класса и его союзников по борьбе за революционное преобразование общества.

Разоблачая попытки встать над интересами классов, подняться над материализмом и идеализмом, что характерно и для многих систем современных идеалистических направлений (неопозитивизм, экзистенциализм, неореализм), В. И. Ленин называет беспартийность в философии презренно-прикрытым лакейством перед идеализмом и фидеизмом.

Классики марксизма-ленинизма рассматривают идеалистические искажения познания как результат отражения действительности в неблагоприятных для достижения истины социальных условиях. Превратное мировоззрение, подчеркивает К. Маркс, есть порождение эксплуататорского общества, государства в силу того, что «сами они — *превратный мир*»³. В. И. Ленин писал, что идеализм представляет собой «негодный продукт негодного общественного строя»⁴. Эти положения показывают, что действие неблагоприятных для познания условий, вызывающих метафизичность и субъективизм как причину идеализма, определяется наличием в обществе интересов эксплуататорских классов.

Непосредственным источником происхождения этих социальных условий может быть и не интерес данного эксплуататорского класса, однако содержание и характер действия их на сознание субъекта находится в зависимости от него. Например, разделение физического и умственного труда, которое играло и играет теперь существенную

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 297.

² См. P. Jordan. *Physics of the 20-th Century*. N. Y., 1944, p.p. 144—154; P. Jordan. *Der gescheiterte Aufstand*. Frankfurt a/M zw., undvär. Aufgabe, 1957, S. S. 130—136.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 414.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 193.

роль в возникновении идеализма, появилось не в капиталистическом обществе и не явилось первоначально результатом проявления интереса буржуазии. Оно — необходимое явление в развитии человечества, родившееся еще в первобытном обществе. С переходом к классовому обществу это разделение углубляется в силу развития общественного разделения труда на базе частной собственности и принимает характер противоположности, которая закрепляется угнетателями и разнообразно используется ими для защиты своего бытия.

Характер действия противоположности физического и умственного труда на сознание людей различен в каждой антагонистической формации, на каждом этапе ее развития и зависит от состояния бытия господствующих классов и их интересов.

В каждом явлении из совокупности социальных явлений, неблагоприятных для объективного отражения действительности, необходимо, непосредственно или опосредствованно, «присутствует» интерес тех классовых сил, бытию которых соответствует то или иное искажение истины. Такое, казалось бы, независимое от интересов буржуазии явление, как незнание некоторыми физиками диалектики, ставшее одной из причин «физического» идеализма, в действительности тесно связано с ними. Незнание материалистической диалектики в конце XIX—начале XX века, когда она уже была открыта, сформулирована К. Марксом и Ф. Энгельсом и около полувека развивалась ими, их соратниками и учениками применительно к самым различным отраслям знаний, — это опосредствованное (системой воспитания и обучения, борьбой против марксизма и т. д.), но яркое преломление в индивидуальном сознании интересов господствующих тогда классов.

Отношение субъекта к социальным явлениям, обуславливающим познание, сугубо индивидуально. Однако при всей индивидуальности, определяющей своеобразие системы того или иного философа, в этом отношении всегда есть общее, повторяющееся: общественное бытие, преломляясь в сознании субъекта, необходимо определяет его сущность и особенности таким образом, что субъект в подходе к предмету познания оказывается, сознает он это или нет, на позициях определенного класса данного общества.

Гносеологический механизм становления, определения классовой позиции субъекта раскрыл К. Маркс. Рассматривая идеологию мелкой буржуазии, он указывал, что не следует думать, будто бы все выразители ее интересов являются лавочниками или поклонниками лавочников, т. е. людьми, сознательно стоящими на этих классовых позициях. К. Маркс пишет: «По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии переступить тех границ, которых не переступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между *политическими* и *литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют»¹.

Определяющими в формировании классового подхода в познании являются социальные условия, связанные с интересами (или соответствующими им) того класса, на чью позицию становится субъект. Интерес класса и социальная обстановка, определившая сущность и особенности сознания субъекта, в данном случае совпадают: субъект мыслит

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 148.

так, как живет класс, познавательные устремления субъекта оказываются теоретическим выражением тенденций, заложенных в бытии класса. Следовательно, во всех случаях, когда возникает метафизический, субъективистский подход к действительности, это означает, что сущность сознания субъекта, познающего в условиях антагонистической формации, не выходит за рамки интересов тех социальных сил, которые своекорыстно стремятся оправдать, сохранить, укрепить свое положение в обществе. Применительно к интересам господствующих классов это значит, что паразитизм социальный порождает паразитизм гносеологический.

Что касается социальных сил, стремящихся изменить свое общественное положение (мы имеем в виду здесь только революционные силы), то лишь пролетариат не преследует своекорыстных интересов. Осуществление его интересов возможно только путем ликвидации частной собственности вообще, а значит — уничтожения всякого гнета и любых форм социального произвола. Пролетариат не может освободить себя, не освободив всех. Интересы пролетариата являются в истории тем социальным основанием, на котором только и возможно возникновение и существование до конца объективной, проникающей во все сферы отражения действительности методологии.

Это и позволяет идеологам, последовательно и твердо стоящим на позициях пролетариата, полностью избавить свое познание от метафизичности и субъективизма.

Но для возникновения метафизичности и субъективизма только наличия в обществе классовых интересов, реализующихся на базе частной собственности, и действия их на сознание субъекта оказывается недостаточно. Для этого еще необходимо, чтобы эти интересы, преломляясь (непосредственно или опосредствованно) в сознании, стали его внутренним, определяющим фактором. Именно тогда субъект «видит» объект так, что формируемый познавательный образ становится искаженным в соответствии с потребностями мировоззренческой защиты бытия того класса, с позиций чьего интереса происходит отражение.

Классовая и гносеологическая позиции субъекта неразрывно связаны: в познании они взаимодействуют и находятся в соответствии. Изменения в одной из них необходимо приводят к изменениям в другой. И это происходит объективно, независимо от воли субъекта.

Истинные представления, например, применяемые в иной обстановке, к качественно иным свойствам объекта, порождают метафизичность и субъективизм. Подход к действительности, объективный в одной обстановке и соответствующий интересам прогрессивных классов, теперь уже утрачивает свою истинность и в силу догматизма тормозит развитие познания и практической деятельности. Субъект, допустивший такое искажение, изменяет свою гносеологическую позицию и сознательно или несознательно, но объективно, становится противником прогрессивных сил общества. И происходит это потому, что класс, который защищается субъектом, утратил свою прогрессивную роль, а субъект продолжает выражать его интересы, оставаясь (по различным осознаваемым или неосознаваемым причинам) идеологом этого класса, или потому, что субъект в период качественного изменения исторической обстановки перешел, сознательно или несознательно, на позиции консервативных сил общества, которым выгоден догматизм. В обоих случаях в основе изменений гносеологической позиции лежат изменения в классовой позиции субъекта.

Объективностью соответствия классовой и гносеологической позиций субъекта объясняется тот факт, что не только идеалистические

системы, но и отдельные идеалистические ошибки, возникающие в эксплуататорском обществе, имеют своей сущностью интерес социальных сил, по той или иной причине искажающих истину. Это же позволяет объяснить причину и механизм появления и существования философских взглядов, построенных как на монистической, так и на дуалистической основе.

Отношение к социальным явлениям, обуславливающим познание, определяет не только содержание классовой и гносеологической позиции субъекта, но и их форму. Эта форма позволяет определить характер идеалистического решения основного вопроса философии и причины, по которым субъект сознательно или несознательно, искренне заблуждаясь или спекулятивно, выдает его за истинное.

В эксплуататорском обществе класс, господствующий экономически, господствует и идеологически, говорит К. Маркс. Широкое и систематическое распространение идей, защищающих бытие господствующих классов, постоянно оказывает влияние на сознание всех членов общества. И несмотря на это, устремления эксплуататоров никогда не являются абсолютным монополистом в определении методологии и результатов познания.

В эксплуататорском обществе антагонистические противоречия между интересами определяют тот факт, что наряду с социальными явлениями, обусловленными интересами господствующих классов и отрицательно влияющими на познание, есть социальные явления, обусловленные интересами революционных классов и способствующие объективному отражению действительности. Кроме того, есть социальные явления, противоречивые по своей классовой природе и значимости, явления, в которых переплетаются интересы антагонистических классов. Вся социальная обстановка в эксплуататорском обществе глубоко противоречива по своему существу. Ее явления через практику оказывают влияние на сознание разных членов данного общества с неодинаковой силой, различными сторонами, определенным образом сталкиваясь и т. д., а некоторые явления, в силу отсутствия связи с субъектом, могут и вовсе не оказывать воздействия на его сознание.

Поэтому, опосредствуясь различными социальными явлениями, встречая противодействие антагонистических сил и действуя в самых различных формах на членов общества, интерес господствующих классов различным образом преломляется в их сознании и принимает различную гносеологическую значимость. И это зависит не только от классового положения субъекта, но и от особенностей его индивидуального бытия в каждый конкретный момент исторической обусловленности познания.

Жизнь субъекта, мысль о включении которой в логику В. И. Ленин назвал гениальной¹, — вся совокупность его практики, многогранное проявление его как существа, занимающего определенное место в общественном производстве, его потребности и интересы, симпатии и антипатии, психологический склад и т. д., определяющие в данных исторических условиях сущность и особенности сознания субъекта, обуславливают и его отношение к предмету познания.

Метод познания немецких историографов-идеалистов 30—40-х годов XIX в., например, «очень просто» объясняют «их практическое положение в жизни, их профессия и существующее разделение труда»².

Различное преломление интересов господствующих классов в сознании субъектов обуславливает и различные результаты познания.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 184.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 49.

Отрицательное воздействие этих интересов на процесс достижения истины может быть распознано, и тогда в сознании субъекта они и связанные с ними явления могут преломляться таким образом, что не помешают объективному отражению действительности. Более того, осознание субъективистской роли интересов господствующих классов вызывает у передовых людей протест и не только в гносеологической, но и в политической форме. К. Маркс и Ф. Энгельс впервые в истории философии показали, что теоретические заблуждения (идеализм, религию) возможно до конца побороть практическим путем, путем революционного преобразования общества, ибо они имеют социальные корни, которые являются определяющим фактором их возникновения и существования.

Однако неблагоприятные для достижения истины социальные условия могут преломляться в сознании и таким образом, что по той или иной причине субъект не осознает, что их воздействие ведет к идеалистическому решению основного вопроса философии. Эти условия могут приниматься субъектом как нормальные для объективного отражения действительности то ли в силу того, что они бывают связаны с его интересами, в которых он не видит тенденциозности, ведущей к субъективизму, то ли в силу неосознания своей классовой и гносеологической позиции, то ли в силу искреннего заблуждения в оценке классовой и гносеологической значимости этих условий¹. В этом случае проникновение в познание действия социальных условий, вызывающих метафизичность и субъективизм, приводит к реализации возможности незаметного, несознаваемого человеком, как пишет В. И. Ленин, превращения понятия в абсолюта².

Несознаваемое идеалистическое искажение познания не означает, что оно возникает при отсутствии сознательной деятельности. Совершая ошибку, субъект исходит «из определенных, сознательно принимаемых им, положений»³, — указывает В. И. Ленин. Но это сознательное отношение к исходным положениям оказывается здесь отрицательным для познания: сознательно принимая их, человек не осознает, что они ведут к заблуждениям. «Идеология, — пишет Ф. Энгельс, называя так идеализм, — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным»⁴.

Природа неосознания, как показывают исследования советских философов, коренится в активности процесса, вызываемого столкновением антагонистически действующих в жизни человека сил⁵. Следовательно, и ложное сознание, ведущее к идеализму, и неосознание этого факта объективно обусловлены, имеют свои реальные основания и не являются проявлением какой-то сверхъестественной сущности при разграничении действительности на субъект и объект, как утверждают, например, экзистенциалисты⁶.

На примере несознаваемого возникновения идеалистического искажения познания особенно отчетливо виден паразитизм идеалистической философии. Независимо от воли субъекта неблагоприятные для достижения истины социальные условия, в конечном счете, классовый интерес

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 145; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 322; Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв. в пяти томах, т. III, М., Госполитиздат, 1957, стр. 627—628.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 330.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 286.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1948, стр. 462.

⁵ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. Изд-во АН СССР, М., 1957, стр. 279.

⁶ См. К. Jaspers. Philosophie. В. I, Berlin, 1956, S. 17; I. P. Sartre. Existentialisme est un humanisme. Paris, 1946, p. 93.

эксплуататоров, определяют использование самих познавательных способностей человека, способностей адекватно отражать действительность, логически мыслить для создания иллюзорных образов, нелогических выводов.

Субъект может осознавать отрицательное воздействие определенных социальных условий на познание и не принимать необходимых мер для недопущения его искажения. В таком случае идеалистические выводы делаются сознательно. При этом классовая позиция идеалиста, реакционная социальная природа и роль его системы может выражаться открыто или маскироваться различного рода гносеологическими ухищрениями, принимая характер сложных преднамеренных спекуляций.

Сознательное идеалистическое искажение познания и идеалистическая спекуляция не всегда одно и то же: первое может быть результатом убеждения, что только с позиций идеалистического решения основного вопроса философии достигается истина — здесь не осознается субъективизм такого подхода к объекту; вторая возникает всегда как результат намеренного стремления к искажению истины в корыстных интересах реакционных социальных сил. Однако почти невозможно распознать, является сознательное идеалистическое искажение познания только гносеологическим заблуждением, или оно — форма тонкой спекуляции, до тех пор, пока не будет вскрыта сознательно принимаемая субъектом классовая позиция и его отношение к данным практики, опровергающим его идеалистические выводы.

Но как в случае несознательного, так и в любом случае сознательного идеалистического искажения познания, возникновение метафизичности и субъективизма, как его причины, не является абсолютно произвольным. Они всегда, даже при самом глубоком кажущемся безразличии субъекта к интересам общественной жизни, социально обусловлены и, даже при наибольшей абсурдности имеют основания в процессе познания, представляя собой отдельные искаженные стороны диалектико-материалистического подхода к действительности. Во всех случаях идеалист не свободен ни от развития общества, ни от развития познания и в свою очередь в той или иной степени, но в конечном счете отрицательно, влияет на развитие и общества, и познания.

Учитывая, что неблагоприятные для достижения истины социальные условия действуют на познание опосредствованно и могут вызывать реализацию возможности метафизического, субъективистского подхода к объекту или не вызывать ее в зависимости от того, каким образом они преломляются в сознании субъекта, следует, на наш взгляд, рассматривать социальные (классовые) корни идеализма не только как собственно эти условия, а и как воздействие их на субъект, определяющее такую его гносеологическую и классовую позицию, которая ведет к искажению соотношения бытия и сознания. Социальные (классовые) корни идеализма — это не только наличие, но и действие, причем определяющее сущность сознания субъекта, тех социальных явлений, которые вызывают метафизичность и субъективизм. Сами же такие явления и их действие, не определяющее сущности сознания субъекта, представляют собой, как нам кажется, только социальные (классовые) возможности иллюзорного отражения действительности.

Выяснение факторов, определяющих характер возникновения метафизичности и субъективизма, имеет важное значение в борьбе против идеалистической философии и религии; оно позволяет дифференцировать методы борьбы с различного рода проявлениями идеализма и отношение к их носителям.

История философии показывает, что не все идеалисты — обязательно реакционеры в политике. О гносеологической сущности философских взглядов мыслителя нельзя судить только по его политической позиции. Философия, будучи, как и политика, обусловлена социально-экономическими явлениями эпохи, более опосредствованно, чем политика, связана с ними и обладает большей относительной самостоятельностью. Это и определяет тот факт, что политические и философские взгляды отдельных субъектов могут не совпадать по своей социальной значимости.

Для размежевания принципов мировоззрения в масштабе классов является истинным, что носителями материализма, как правило, выступают прогрессивные, революционные классы, а идеализма — реакционные, отживающие. Но это не значит, что классовая принадлежность отдельного субъекта является достаточным определителем сущности его гносеологической позиции и наоборот. Как верно то, что не все идеалисты являются представителями господствующих классов, так верно и то, что не все представители господствующих классов — идеалисты. Диалектика относительной самостоятельности форм общественного сознания, в данном случае философии, такова, что идеологическими выразителями интересов определенного класса могут становиться и выходцы из других социальных групп, гносеологическая позиция которых соответствует бытию этого класса. Поэтому социальная значимость философской системы должна оцениваться не только по политическим взглядам ее автора, а главным образом по классовому и гносеологическому содержанию ее оснований и выводов¹.

Марксизм учит, что против идеализма, как антинаучного мировоззрения, кем бы он ни выражался, надо вести непримиримую борьбу. При этом необходимо отделять то в политических взглядах и практической деятельности философа-идеалиста, что может быть использовано в интересах прогрессивных сил, и через которое можно и нужно вести борьбу за изменение гносеологической позиции искренне заблуждающегося субъекта.

Французские коммунисты, ничего общего не имеющие в философских взглядах с Сартром, решительно разоблачающие проповедуемую им философию одиночества и отчаяния, которая объективно служит идеологическим оружием буржуазии, вместе с тем поддерживают борьбу этого видного общественного деятеля против ультраколониалистов и сторонников режима личной власти во Франции².

Непримиримый противник диалектического материализма Б. Рассел — один из родоначальников наиболее тонко спекулирующего на сложностях познания идеалистического направления — неопозитивизма, является сторонником атомного разоружения, членом преследуемого английскими властями «Комитета 100». Отдавая должное мужественной борьбе лорда Рассела за мир, марксисты решительно выступают против его философских идей. В вопросах мировоззрения у нас с неопо-

¹ О критерии классовой и гносеологической значимости философских взглядов см. у Г. В. Плеханова. (Избр. философ. произв. в пяти томах, т. II, М., Госполитиздат, 1956, стр. 682—683).

² Очень хорошо говорит об этом в открытом письме к Сартру Р. Гароди: «И когда на Елисейских полях нам приходится слышать крики: «Расстреляйте Сартра!» — от людей, которые привели нас к Монтуару, Дьен-Бьен-Фу и 13 мая, я, не забывая того, что нас разделяет, без всякого труда вижу как тех, против которых мы должны бороться, так и тех, которых мы должны защищать, даже если мы иногда должны их защищать от них же самих». (Р. Гароди. Ответ Жан-Поллю Сартру, ИИЛ, М., 1962, стр. 7—8).

зитивистом Расселом компромиссов, «мирного сосуществования» быть не может.

Дифференцированно подходит марксизм и к оценке социальной и гносеологической значимости тех материалистических систем, в которых допускаются идеалистические отступления. Широко известна, например, критика К. Марксом и Ф. Энгельсом всей предшествующей им материалистической философии за идеализм во взглядах на общество. Классовая и гносеологическая позиции прежних материалистов были здесь противоречивы. Метафизический метод объяснения процессов общественного развития приводил к выводам о первичности сознания, и, таким образом, самые искренние стремления объективно раскрыть движущие силы истории и указать массам пути избавления от зол эксплуататорского общества неизменно уводили материалистов-метафизиков, пытавшихся сделать это в мировоззренческой области с позиций революционных классов. Характерно, что политические и социологические учения домарксистского периода, направленные против реакционных классов, были основаны на идеалистических, а часто на открыто религиозных принципах (например, хилиастические учения и некоторые другие ереси средних веков)¹.

Дифференцировано отношение марксизма и к тем философам-материалистам, политические взгляды которых частично или полностью не отвечают интересам трудящихся. К. Маркс и Ф. Энгельс высоко оценили философию Бэкона, как важный этап в истории материализма и опытных наук. Они не затушевывали прогрессивности материалистических взглядов Бэкона, несмотря на то, что он, будучи представителем самых верхних слоев господствующего класса, ревностно идейно и практически защищал интересы эксплуататоров и, в частности, один из первых пытался обосновать с позиций механистического материализма правомерность колониализма, а также идею необходимости и полезности войн во имя господства Англии над всем миром.

В. И. Ленин вел непримиримую борьбу против оппортунистической, социал-шовинистической позиции Г. В. Плеханова в политике, постоянно указывая на несовместимость ее с интересами рабочего класса, подчеркивая это очень часто обращением: «Господин Плеханов». Но вместе с тем В. И. Ленин указывал, «что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма»².

В. И. Ленин заботливо оберегал философское наследие Плеханова от попыток извратить его диалектико-материалистическую сущность под флагом критики оппортунизма этого выдающегося философа. Однако В. И. Ленин никогда не разрывал политические отступления Плеханова и его философские заблуждения³. Совершая политическую ошибку и объективно выступая против рабочего класса, Плеханов не мог уже тем самым удержаться и на последовательной диалектико-материалистической позиции, т. к. гносеологическим механизмом возникновения таких политических отступлений является не что иное, как нарушение объективности рассмотрения, метафизический, субъективист-

¹ Форма, которую принимает в человеческих головах отражение данного интереса, определяется состоянием общественного сознания, общественной психологии в данную эпоху, пишет Г. В. Плеханов (См. «Избр. философ. произв. в пяти томах», т. II, стр. 260).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 14; т. 26, стр. 222—225; т. 37, стр. 337—338 и др.

ский подход к объекту. Там, где Плеханов отходил от политики рабочего класса, он, как указывает В. И. Ленин, и диалектику заменял софистикой, явными софизмами выхолащивая из марксизма его революционную душу¹.

Роль интересов господствующих классов в возникновении метафизического, субъективистского подхода к действительности состоит не только в том, что он определяюще влияет в этом случае на сущность сознания субъекта, но и в том, что от него зависит и глубина идеалистических искажений познания. Интересы господствующих классов находятся в прямой зависимости от состояния их бытия. В соответствии с исторической обстановкой эти интересы, сохраняя свою эксплуататорскую сущность, изменяют форму проявления, выявляют новые стороны и т. д. Задачи осуществления своих интересов в новых условиях определяют изменения в содержании и методах идеологической борьбы господствующих классов.

Характерно, что по мере того, как условия сохранения бытия господствующих классов подрываются борьбой прогрессивных сил, тенденции к метафизичности и субъективизму в общественном познании усиливаются. Это вызывается тем, что интересы классов, занимающих господствующее положение в отживающем способе производства, становятся все более эгоистичнее, и социальные явления, обуславливающие нарушение объективности подхода к действительности, все более пропитываются классово-эксплуататорским субъективизмом². Реакционнее становится господствующая идеология, все сильнее становятся ее потребности в идеалистическом искажении истины, все чаще господствующие классы обращаются к религии, мистицизму. Как загнившие производственные отношения тормозят общественный прогресс, так и защищающая их идеология тормозит осознание народными массами своих революционных задач и процесс познания действительности вообще.

«Не случайно, но в силу *необходимости* вся наша реакция вообще, либеральная (верховская, кадетская) реакция в частности, «бросилась» на религию, — пишет В. И. Ленин, указывая, что господствующие классы России после 1905 г. уже не могли сохранить старые порядки только путем репрессий. — Одной палки, одного кнута мало; палка все-таки надломана. *Веховцы* помогают передовой буржуазии обзавестись новейшей идейной палкой, духовной палкой. Махизм, как разновидность идеализма, *объективно* является орудием реакции, проводником реакции»³.

Неблагоприятные для достижения истины социальные условия вообще усиливаются в связи с различного рода болезненными явлениями, представляющими следствие бытия господствующих классов — кризисы перепроизводства, войны и т. п. Не случайно, например, волна экзистенциализма поднялась вначале в Германии (20-е гг.), а затем во Франции (начало 40-х гг.) в весьма сходное по своему содержанию историческое время для этих стран — поражение в войне, разрушительное действие общего кризиса капитализма, страх буржуазии перед лицом роста национальных и международных революционных сил.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 119, 323—324.

² Возможность идеалистических искажений и глубина их еще более усиливаются в тех областях познания, в которых крутая ломка старых понятий совпадает с усилением идеологической реакции. Революция в физике и вступление капитализма в империалистическую стадию — это те факторы, совпадение которых обусловило на рубеже XIX—XX вв. сползание некоторых физиков в идеалистический тупик. Международный характер этого идеалистического поветрия подтверждает общность породивших его причин.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 129.

В такие периоды истории давление на сознание членов общества социальных явлений, связанных с проявлением интересов господствующих классов, возрастает. Поэтому усилению идеалистических тенденций очень важно решительно противопоставлять мировоззрение, основанное на научном методе познания, мировоззрение революционных классов. Именно поэтому уже в начальный период столыпинской реакции, в период, когда вступление международного капитализма в империалистическую стадию вызвало повсеместное усиление реакционности буржуазной идеологии, В. И. Ленин написал свой выдающийся философский труд «Материализм и эмпириокритицизм», в котором решительно противопоставил точку зрения диалектического материализма идеалистической философии и поповщине по всей линии гносеологических вопросов.

В настоящее время, когда империализм вступил в период заката и гибели, идеализм служит теоретическим обоснованием все более усиливающейся политической реакции, сам все сильнее пропитываясь классово-эксплуататорской тенденциозностью. «Идейное обоснование господства монополий, оправдание эксплуатации, опорочение общечеловечности и коллективизма, воспевание милитаризма и войны, оправдание колониализма и расизма, разжигание вражды между народами — таковы идеи, которыми проникнуты политические и экономические теории, философия, этика и эстетика современной буржуазии»¹.

Идеология империалистической буржуазии является наиболее реакционной в истории, так как она защищает господствующие классы в то время, когда речь идет не о смене интересов эксплуататоров, а о ликвидации эксплуатации вообще и не только в отдельных странах, а во всем мире, и когда ныне господствующие в империалистическом мире классы чувствуют это сами.

В этих условиях КПСС, братские коммунистические и рабочие партии, помня указания В. И. Ленина о том, что идеологическая борьба является неотъемлемой составной частью классовой борьбы, всемерно усиливают наступление против идеологической реакции, неуклонно отстаивая чистоту марксизма-ленинизма, широко распространяя его все сильные идеи.

Механизм возникновения метафизичности и субъективизма показывает, что усиление идеалистических тенденций в идеологии господствующих классов, усиление давления их интересов на сознание членов общества не равнозначно количественному росту идеалистов или идеалистически ошибающихся.

Естественно, идеологическая реакция неизбежно охватывает часть колеблющихся и неустойчивых, тех, кто в своей практической или научной деятельности, являясь стихийным материалистом, не имеет определенных, сознательно принимаемых философских принципов. Но в обществе, разделенном на антагонистические классы, интересам реакционных классов и их идеологии противостоят интересы и идеология революционных классов, а идеализму — материализм, которые также оказывают влияние на сознание членов общества. И хотя мировоззрение реакционных сил и занимает в таком обществе господствующее положение, ведущей, основной стороной в идеологической борьбе является не оно, а мировоззрение революционных сил. Это является необходимым выражением поступательного движения истории, неизбежности победы нового, рост которого обуславливает усиление социальных явлений, способствующих объективности отражения. Чем сильнее позиции

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. III, М., Госполитиздат, 1962, стр. 267.

нового, чем шире оно распространяет свое влияние, тем уже сфера влияния идеологии господствующих классов, идеализма.

Усиление стремлений эксплуататоров к искажению истины ради сохранения своего бытия для тех, кто сознательно стоит на позициях этих классов, становится своеобразным сигналом, социальным заказом на дальнейшие идеалистические спекуляции.

У тех, кто видит классовую сущность социальных явлений, вызывающих метафизический, субъективистский подход к объекту, но не сознает их отрицательной гносеологической роли, усиление давления интереса господствующих классов на сознание как бы обостряет «зрение». Оно способствует обнаружению в классовом интересе субъективизма и в связи с этим ставит перед субъектом вопрос об отношении к своей гносеологической позиции: оставаться ли на позиции теперь уже сознательного идеалистического искажения познания, понимая, что бытие, интересы класса, под влиянием которых происходит это искажение, обосновывается и идеологически защищается ложью, или, изменив классовую позицию, рассматривать действительность глазами революционных сил общества.

Изменение классовой позиции в познании в результате усиления влияния интересов господствующих классов может произойти и у тех, кто не понимает ни классовой сущности, ни отрицательной гносеологической роли социальных явлений, вызывающих метафизичность и субъективизм, в данном случае через осознание одного из этих факторов.

Таким образом, усиление эксплуататорского субъективизма, стремление господствующих классов искажением истины сохранить свое бытие может приводить к прямо противоположным результатам: через усиление классового содержания гносеологическая основа идеологических взглядов субъекта превращается в свою противоположность. Именно поэтому по мере возрастания реакционности мировоззрения господствующих классов, по мере того, как все более явственно в нем проступает их интерес, идеологи этих классов вынуждены все сильнее маскировать классовую сущность принципов своей методологии, прибегая ко все более сложным гносеологическим спекуляциям с тем, чтобы придать своим идеям наукообразную форму, видимость объективности и возможно дольше сохранить их влияние на массы.

Характерно, что изменение бытия господствующих классов и их интересов ко все большему социальному паразитизму, эгоизму и консерватизму вызывает даже у некоторых их идеологов и у самих представителей этих классов изменение классовой и гносеологической позиции.

Разрыв с идеализмом под влиянием усиливающегося давления интересов господствующих классов — явление, во многом обусловливающееся случайными, индивидуальными факторами. Тем более, что в капиталистических странах в условиях замалчивания и намеренного искажения диалектико-материалистического метода познания, субъект, порывающий с одним идеалистическим направлением, может быть «схвачен» другим, более замаскированным направлением из арсенала идеализма, на многообразии оттенков которого играет буржуазная идеология¹.

¹ Характерна в этом отношении литература, издаваемая на Западе. Так, книга И. Гессена «Философия XX века» рекламируется как «Обзор источников и направлений, которые определяют и преобразуют наше мировоззрение. Коротко и ясно, по-деловому и живо!». Однако в этом «обзоре» только в нескольких фразах говорится о материализме, который автор именует «натурализмом», относя к нему лишь Де-мокрит, Эпикура, Гоббса и ... Авенариуса (?!); здесь нет ни единого слова о диалек-

Изменение же гносеологической позиции в пользу диалектического материализма в результате усиления прямого влияния на сознание людей революционной практики и идеологии рабочего класса является необходимым путем и именно потому, что пролетариат и его мировоззрение — марксизм занимают в классовой борьбе положение ведущей, все усиливающейся противоположности. Поэтому буржуазные идеологи пытаются любыми средствами опорочить практику и теорию коммунистов и для этого прибегают к самым различным формам фальсификации, находящим свое концентрированное выражение в антикоммунизме — главном идейном оружии империализма.

Рассмотренные примеры показывают, как неразрывно связаны социальные и гносеологические моменты в определении сознания субъекта. Тем более очевидной становится необходимость указывать на социальное содержание и классовую роль идеализма при критике его гносеологических оснований и подчеркивать, глубоко раскрывая, гносеологическую неправомерность, при разоблачении классовой сущности господствующей в эксплуататорском обществе идеологии. С другой стороны, в борьбе против идеализма и религии первостепенное значение имеет глубокая и систематическая пропаганда диалектического и исторического материализма, в которой разъяснение гносеологических принципов марксистской философии органически сочетается с раскрытием ее партийности, соответствующей объективности подхода к действительности, с открытым признанием того, что марксизм служит теоретическим фундаментом мировоззрения пролетариата. Пропаганда марксистской философии и критика идеализма и религии представляют собой две органически связанные стороны формирования научного мировоззрения у всех тружеников советского общества, на необходимость которого, как имеющего первостепенное значение для строительства коммунизма, указывает Программа КПСС.

Рассмотрение условий возникновения метафизического, субъективистского подхода к действительности как причины идеализма позволяет сделать следующие выводы.

Возникновение этого подхода обуславливается: внутренне — сложностями диалектического раздвоения перехода от одного познавательного образа к другому, а внешне — социальными условиями, являющимися по своей природе или значимости выражением интересов реакционных классов¹.

Но ни трудности движения знаний, ни наличие в обществе интересов реакционных классов и их стремлений к извращению истины не являются причиной возникновения идеализма. Условия, в которых происходит

тическом и историческом материализме, единственно истинной, самой сильной и самой распространенной философии нашего времени, нет даже упоминания о В. И. Ленине — величайшем философе XX века.

Стремления автора и издателей книги очевидны: пожалуйста, определяйте и преобразовывайте свое мировоззрение на основе любой идеалистической системы, но только не на основе марксистской философии. В общем действительно: «коротко и по-деловому» — оставайтесь в плену идеологии господствующих в капиталистическом мире классов. Мы уже не говорим о том, что из источников, определяющих мировоззрение, идеалист Гессен исключает существенное — общественное бытие. (См. I. Hesse. *Die Philosophie 20. Jahrhunderts*. Rottenburg, 1955).

Подобное наблюдается вообще в книгах идеалистов, пишущих ныне «историю» философии. См., например, А. Хюшбер. *Мыслители нашего времени* (62 портрета), М., ИИЛ, 1962; I. M. Bochenski. *Contemporary European Philosophy*. Berkley and Los Angeles, 1956; W. H. Werkmeister. *A history of philosophical Ideas in America*, N. Y., 1949.

¹ Социальные явления, обуславливающие метафизичность и субъективизм, могут быть и в обществе без антагонистических классов. Их природу и характер действия на познание предполагается специально рассмотреть в другой работе.

познание, не могут сами по себе приводить к искаженному отражению соотношения бытия и сознания, но они создают возможность для возникновения его причины.

Состояние необходимых условий для возникновения причины идеализма относительно субъекта указывает на характер возможности идеалистического искажения: действие их на сознание субъекта означает, что возможность идеализма в его познании реальна. Этот факт отчетливо показывает, что определяющими для возникновения метафизичности и субъективизма являются специфические социальные условия. Именно их действие является причиной таких изменений сущности и особенностей сознания субъекта, в результате которых интерес реакционных классов проникает в познание. Прежде чем вызвать в познании метафизические, субъективистские отклонения, действие неблагоприятных для достижения истины социальных условий должно преломиться в сознании субъекта и стать его внутренним, определяющим отношение к конкретному объекту, фактором. А так как эти социальные условия по своей природе или значимости являются выражением интересов реакционных, отживающих сил общества, боящихся объективного рассмотрения действительности, то гносеологическая позиция субъекта определяется в конечном счете интересами этих классов и является поэтому и классовой позицией.

Следовательно, возникновение метафизического, субъективистского подхода к действительности может происходить в каждый момент познания, который характеризуется формированием познавательного образа субъектом, сознательно или несознательно занимающим по отношению к объекту позицию социальных сил, заинтересованных в искаженном его отображении.

И это необходимо повторяется в эксплуататорском обществе как в тех случаях, когда метафизичность и субъективизм возникают как причина отдельной идеалистической ошибки, так и тогда, когда они возникают как основной гносеологический принцип целой идеалистической системы. Подобная по своему социальному и гносеологическому содержанию обусловленность является общей для возникновения метафизичности и субъективизма в познании отдельного человека и в познании класса, классов.

Этот факт показывает, что утверждения идеалистов о наличии каких-то врожденных, извечно присущих человеческим познавательным способностям свойств неизбежно приводят к идеалистическим выводам, являются спекулятивными. Не бессилие познавательных способностей человека перед тайнами мира и не онтологическая их алогичность приводит к идеализму, а проявление их в неблагоприятных для достижения истины социальных условиях, когда действие последних как бы затуманивает сознание человека.

В силу развития познания и социальной среды изменяются и условия возникновения метафизичности и субъективизма, причем условия, вызываемые проявлением внутренней логики познания, более подвижны, чем социальные условия. Это создает реальную возможность метафизического «выпадения» из поля зрения субъекта одной, причем определяющей стороны обусловленности нарушения диалектики познания. Возникает видимость, будто бы метафизический, субъективистский подход к действительности и обусловливается и определяется «только» движением познания, независимо от социальной среды. Эту видимость усиливает тот факт, что в силу относительной самостоятельности сознания субъекта, его сущность и особенности, сформировавшиеся под действием неблагоприятных для достижения истины социальных условий,

могут сохраняться и действовать на ход и результаты познания (как пережитки, традиции, привычки) даже тогда, когда сами эти условия уже давно исчезли.

Эту видимость спекулятивно используют для маскировки социальной сущности и гносеологической неправомерности своих построений самые различные школы идеализма. Однако эта же видимость может послужить основанием для утверждений о правомерности идеализма и тем, кто не осознает реакционной роли этого антинаучного мировоззрения. Поэтому раскрытие социальных условий, в которых происходит появление метафизичности и субъективизма, является необходимой стороной борьбы против искажений познания, за высвобождение сознания людей от идеализма и религии.

Рассмотрение некоторых вопросов диалектики классовой и гносеологической позиции субъекта в процессе познания в связи с выяснением условий реализации возможности метафизического, субъективистского подхода к объекту показывает, что идеализм и основанная на нем идеология реакционных классов смогут быть окончательно преодолены только в результате революционного уничтожения социальных явлений, обуславливающих их возникновение и существование.

Но еще до этого момента будет и впредь уменьшаться число приверженцев идеологии господствующих ныне в капиталистическом мире классов и ее теоретической основы — идеализма при усилении реакционности его систем, с одной стороны, и увеличиваться число стоящих на позициях марксизма, с другой стороны.

Эти изменения служат показателем все возрастающей силы и влияния в мире марксистского учения и его носителя — коммунистических и рабочих партий и несостоятельности идей империалистической буржуазии.

Это подтверждает и с гносеологической точки зрения, что вывод о возможности мирного сосуществования двух различных социальных систем и вывод о неизбежности победы коммунизма во всем мире, на кажущейся логической несовместимости которых так широко спекулируют буржуазные идеологи и догматики-левосектанты, истинны. Воодушевляющий пример созидания нового общества в СССР и других социалистических странах, классовая борьба в мире капитализма неизбежно приведут народные массы к осознанию и практическому осуществлению истин марксизма.
